

Мария Галина Медведки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2359035

Мария Галина. Медведки: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49882-6

Аннотация

Новый роман одного из лучших современных авторов, лауреата множества премий и финалиста «Большой книги» Марии Галиной «Медведки» – это настоящий подарок всем ценителям качественной литературы с небанальным сюжетом и философским подтекстом. Герой «Медведок» – молодой социопат, интроверт и маргинал. Его профессия – за деньги придумывать биографии чужим людям, делая их героями классических романов. Вот, например, вы хотели когда-нибудь стать Фродо Беггинсом из «Властелина колец»? Пожалуйста. Сыном или дочерью капитана Гранта? Нет ничего невозможного.

Но подо льдом обыденности таятся чудовища. И кто знает, какие силы управляют судьбой и чем может обернуться безобидная фантазия?

Мистика, триллер, плутодрама, фарс, семейная сага – все соединилось в этом романе. Ажурная легкость стиля и умение автора говорить с читателем на одном языке ставят «Медведок» в ряд самых больших литературных удач начала века.

Мария Галина Медведки

Лягу не благословясь, стану не перекрестясь, стану будити усопших. Станьте, умершие, разбудите убитых. Станьте, убитые, разбудите усопших. Станьте усопшие, разбудите с древа падающих. Станьте, з древа падающие, разбудите заблудящих. Станьте, заблудящие, разбудите зверии подемущих [зверем поеденных?] Станьте, зверие подемущие, разбудите некрещеных. Станьте, некрещеные, разбудите безымянных.
(наговор)

Насекомое ведет преимущественно подземный образ жизни. На поверхность выбирается редко, в основном в ночное время суток.

Учитывая великолепную приспособляемость медведок, следует отметить, что чаще всего они выступают в роли вредителя, так как быстро и в больших количествах размножаются.

* * *

Каждый вечер я обхожу комнаты и обметаю паутину. Не имею ничего против пауков, но паутина неприятна. К тому же в ней запутываются высохшие тушки ночных бабочек. Когда я тыкаю веником в паутину, вращая его, словно ключ в замке, то отворачиваю лицо или смотрю за окно. С листьев стекает свет далекого фонаря, и где-то далеко в море надрыдается ревун.

В последнее время паутины все меньше и меньше.

Скоро ее не станет совсем.

Растворимый кофе кислый и воняет жженой пробкой, но я выпиваю чашку до дна. Это как лекарство – неприятно, но необходимо.

Надо купить в зернах. Но я сегодня так и не смог заставить себя выйти из дому.

Мне хочется соорудить бутерброд с колбасой и луком, но я терплю. Нельзя дышать луком на заказчика.

Когда я жду заказчика, то просто хожу по комнатам и бесцельно перелистываю книжки. Я даже прилечь не могу – от нервов сразу засну, а когда проснусь, сделаюсь тупой и вялый. И разговаривать с посторонним человеком мне будет совсем нелегко, а люди это чувствуют. По микродвижениям, по взгляду, уходящему вбок, по... Чувствуют, сами не сознавая, в чем дело.

Включил «министерскую» зеленую лампу. Свет лег уютным кругом, за его пределами комната сделалась чужой и чуточку враждебной.

Оторвал от бумажного полотенца лоскут и стер со столешницы круг от кофе. Как ни старайся, всегда будет круг от кофе – от тепла расширяются микроскопические каналы в фаянсе кофейной кружки. Вообще-то специально для этого придумали блюдца, но чашка с блюдцем – другая эстетика.

Переоделся в джинсы и свитер с норвежским узором. Треники и майку скатал в комок и забросил в спальню.

Что я еще забыл?

Вроде ничего.

Ага, вот и телефон звонит.

Мелодия звучит приглушенно, куда это я его на этот раз сунул? Приподнял диванную подушку. Нету. Потом сообразил, что он в кармане треников. Пока шел в спальню, пока извлекал его из кармана, телефон замолчал. Пропущенный вызов. Вот зараза.

Отзвонился обратно.

– Это... куда подъезжать?

Деловой человек, серьезный. По голосу чувствуется. С деловыми труднее работать. С одной стороны. С другой – они всегда знают, чего хотят.

Он заехал на Дачную улицу вместо Дачного переулка. Обычная история.

Я объяснил, как проехать, при этом все время боялся, что телефон посреди разговора отключат за неуплату. А это плохо сказывается на имидже.

Но он оказался толковым. С толковыми, опять же, с одной стороны легче, с другой – сложнее. В общем, все как всегда.

Через пять минут он уже бибикал на подъездной дорожке. На лаковой поверхности капота дрожали капли, в каждой – миниатюрное темнеющее небо. Щеколда, когда я взялся за нее, тоже оказалась мокрой, поэтому я не стал пожимать ему руку – крупный нестарый мужик в турецкой кожаной куртке и узконосых черных ботинках, – а, поздоровавшись, развернулся и пошел по дорожке к дому.

– Туфли можете не снимать, – сказал на всякий случай, чувствуя спиной, что он на миг отстал от меня на пороге.

Он и куртку не стал снимать, а вот это зря. С людьми в верхней одежде труднее работать. Они внутренне в любой момент готовы встать и уйти.

Из потертого кожаного кресла, куда я его усадил, ему хорошо был виден письменный стол со световым пятном, сползающим к краю, отблеск на крышке ноутбука. Мое лицо пряталось в тени. Творческий процесс – тайна, а я полномочный представитель этой тайны, посол большой мерцающей тайны в его маленьком рациональном мире.

– У вас тут ничего, – сказал он, одобрительно оглядываясь, – уютно.

Ему было неловко. Они почти всегда испытывают неловкость, а я испытываю неловкость оттого, что они испытывают неловкость.

– Мне Серый сказал, что вы можете, – сказал он и хихикнул от застенчивости, – я подумал, почему бы нет... ну и...

Я взял с подставки трубку и стал ее набивать. Вообще-то я терпеть не могу трубку, с ней полным-полно возни. Но для антуража очень полезная вещь.

– У вас есть какие-то определенные пожелания?

– Ну... вообще-то да. Нет!

Я с этим сталкивался. Теперь придется вытаскивать из него, осторожно и бережно разматывать этот клубок.

Когда я только начинал этим заниматься, я и не представлял себе, до какой степени приходится касаться интимных сторон души.

– Хорошо. Тогда расскажите мне о себе.

– Зачем? – Он испугался.

– Ну я же должен знать, от чего мне отталкиваться в моей работе.

– Я родился в Рязани, – он набрал побольше воздуха, словно перед погружением, – мать моя... мама... работала в жилконторе. В ЖЭКе... Отец... ну, он ушел из семьи. Я его, собственно, и не помню.

Понятно. Он стеснялся мамы, она была усталая клуша. И до сих пор тоскует по мужественности. По совместным походам на рыбалку. Другим мальчикам папы дарили велосипеды. Водили на футбол. Что еще делают мальчишки с папами? На самом деле, наверное,

сплошное «Не шуми, папа занят!», «Не шуми, папа отдыхает!», но это у других... у него наверняка все было бы хорошо...

– Погодите минутку. – Я поставил между ним и собой коробочку диктофона.

Он напрягся, отодвинулся.

– Это зачем? Этого не надо...

Это я тоже понимал. На такой случай у меня был заготовлен блокнот в шикарном кожаном бьюаре. Теперь, наверное, мало кто знает, что означает это слово, «бювар». Пожиратель чернил, вот что. Хорошая кожа, хороший блокнот и паркер с золотым пером. Я на миг со стороны увидел себя его глазами, смена ракурса, наезд; половина лица в тени, половина подсвечена зеленоватым рефлексом абажура, нездешний, отстраненный вид... геометрически вывязанный узор свитера. Вот только неправильное коричневое пятнышко у ворота... Я осторожно скосил глаза – и верно, пятнышко. Капнул на себя кофе, вот зараза!

– Переехали сюда... я в четвертый класс, в сто первую школу. Ну, ту, где директора из окна выкинули.

– Что, действительно выкинули?

– Да... Но это уже после меня было. Ну, правда, со второго этажа. Он только ключицу сломал. Ну, еще ребро. Но возвращаться не стал. В задницу всех, сказал. Все вы бандиты. И учителя и ученики. Он в спортклубе «Ариадна» гардеробщиком.

Лысого выкинули, надо же. Вот это да.

Я на минуту отвлекся, это плохо. С другой стороны, ладно... живой разговор.

– Если вы переехали из Рязани... они, наверное, смеялись над вашим выговором, однокласники?

Он помолчал, потом сказал:

– Да. Первое время.

Интересно, что он сделал, что они перестали смеяться? Мстил им исподтишка? Пако-стил? Дрался? Научился местному говору?

– В классе легко прижились?

– Нет. – Голос стал чуть выше, чем раньше, невольное напряжение мышц гортани. – Новичков не любят. Издевались по-всякому. То кнопку подложат, ну и... Пришлось драться.

На последнем слове – облегченный вздох, расслабился. Сначала было плохо, но потом он отстоял свое право на существование, непостыдно отстоял. В сто первой те еще гопники.

– Я отставал в росте, – сказал он, – вот и дрался зубами, ногами, чем попало. А потом вдруг как-то быстро вырос, ну и... отстали. А зачем вы про это спрашиваете?

Его слово-паразит «ну и». Интересно, он сам это за собой замечает?

Не худший вариант. Серый говорил «типа того». Очень трудно работать с человеком, который говорит «типа того».

– Характер человека, – говорю я и выпускаю клуб дыма из трубки, – закладывается в детстве.

На самом деле не в характере дело – в неосуществленных желаниях, в уязвленном самолюбии, в загнанных вглубь, но незабытых обидах. А я вытаскиваю их на свет. Поэтому надо осторожно. Помню, как испугался как-то, когда еще только начинал, когда один из заказчиков вдруг расплакался.

– А чем вы сейчас занимаетесь? – Я поднял ладонь, предупреждая его слова. – Нет, нет, в общих чертах...

– Грузоперевозки, – сказал он. – Так себе контора. Маленькая. Но есть постоянная клиентура, заказы.

Состоявшийся человек. Но не совсем. Скажем так, недосостоявшийся. Состоявшиеся ко мне не ходят. Незачем. Но у этого хватает средств, чтобы заплатить за каприз. И что-то свербит, тянет, мешает жить.

– Женаты?

Пожал плечами.

– Вроде того.

Сказал, как отмахнулся. С женщинами проблем нет. Но и не бабник. Не заикливается на них. Значит, все, связанное с любовными интригами, отметаем.

Наверняка щедр. Дает на тряпки. Так и говорит – на, возьми себе на тряпки.

– Отдыхать где любите? На море, в горах? Париж там, Рим? Где вообще были?

– Не знаю, – он задумался, – в горах не люблю. Туристом тоже. Таскайся везде за гидом, как дурак. Языков не знаю. Не выучился в детстве. Мать говорила, денег нет на глупости. Зачем эти языки, все равно хрен за границей побываешь. Лучше, говорит, в фотокружок какой-нибудь. Кто ж знал, что так обернется? А фотография эта теперь никому не нужна. У всех мыльницы эти... цифра.

Все время возвращается к детству. Многие так. Я привык.

– Курить у вас тут можно?

– Можно, – сказал я и для убедительности выпустил клуб дыма. На миг его лицо закрыли бледные распадающиеся волокна. Он все еще нервничал.

Достал сигареты, «Кэмел», почти все они курят «Кэмел», щелкнул зажигалкой, положил пачку на стол, подтянул пепельницу. Немножко напряжен, но не суетлив, движения точные, жесты от себя, а не к себе, значит, щедрый и не зануда. Но скрытный, руками зря не машет.

Чтобы дать ему успокоиться, я взял бювар и с деловитым видом почеркал в блокноте. Перо уютно заскрипело. Забытый с детства звук. Почти для всех.

За окном порыв ветра ударил в мокрую листву – один лист оторвался и распластался снаружи на черном стекле, точно огромная ночная бабочка.

– И тут я понял, что они все врут... – Я поднял голову и прислушивался, он, оказывается, что-то рассказывал, пока я делал свои наброски. – И она врет... и бабка... и эти, которые в телевизоре... Почему я должен им верить? Я взял портфель, вроде бы в школу, и ушел... Сел на автобус. Думаю, не важно куда, главное – далеко. Ну и... Она подняла на ноги... Плакала потом. Поставили на учет в детской комнате. А я что? Раз признали хулиганом, я – пожалуйста. Я как с цепи сорвался.

Он говорил будто в трансе. Им кажется, что все это забыто. Похоронено. Что они большие, взрослые, что есть другие, гораздо более важные дела, чем детские мечты и обиды. А тут они вспоминают. Одно вытаскивает за собой другое. Это как гирлянда с елочными лампочками. Чтобы включить одну, приходится включать все.

– Погодите. Пока хватит.

Тяга к странствиям. Упорство. Стремление делать наоборот. Хорошие качества. Но неудобные. Наверное, ему талдычили, что, если не слушаться старших, обязательно сядешь в тюрьму или что-то в этом роде.

Я вдруг подумал, что он, наверное, был неплохим пацаном. Я в детстве был бы не прочь иметь такого друга.

Он вздрогнул, как будто я его неожиданно ударил, но быстро взял себя в руки.

– Вы же сами сказали, рассказывайте что хотите.

– Просто я не успеваю записывать. Вы кем хотели стать, когда маленьким были? Ну, лет в десять?

Обычно такие говорят – моряком или космонавтом. Наверняка одно из двух. Если моряком – романтик. Если космонавтом – романтик и дурак. Только бы он не сказал – космонавтом. С научной фантастикой предпочитаю не работать. Там, собственно, работать практически не с чем.

– Моряком. Тем более мы переехали сюда. А тут море. Я, как увидел, оху... охренел просто. Столько воды, надо же. Корабли в порту. Моряки шикарные, иностранные, в белом все, ходят по бульвару туда-сюда, под руку с девками, смеются. Я бегал за ними, жвачку выпрашивал.

– Жалеете, что не пошли в мореходку?

– Не знаю. Паршивая профессия. На самом деле. Железная коробка, двигатель стучит, никуда не деться. Это тогда казалось, что вот он, весь мир, и ты в нем, и все, ну не знаю... такое... как праздник, бесконечный праздник. Яркое. О других странах мечтал. Где-то там они – Лондон, Париж, Нью-Йорк. Далекие, недоступные. Видел я их потом. Ну Лондон. Ну Париж...

– Не понравилось?

– Понравилось, конечно. Но...

Я захлопнул блокнот.

– Ясно. Все понял.

Он, кажется, был несколько ошарашен. Он долго колебался, приходить или не приходить, потом расслабился, и его понесло. Он готов был рассказывать еще и еще. На самом деле – стандартный случай. Стандартней некуда. Но этого я ему говорить не стал.

На всякий случай успокоил.

– У меня своя система. Семантический анализ, лингвистический, статобработка. Материал я собрал. Придете через неделю. Позвоните предварительно, я вам назначу. К тому времени уже кое-что определится.

Он облегченно вздохнул, но я видел, что смотрит он расфокусированно, вроде как в себя. Классики в таких случаях говорят «взор его затуманился».

Сейчас сядет в свою тачку, поедет домой, и пока будет ехать, его скорее всего шарахнет. Все те обиды, маленькие, но злые, которые он старался не вспоминать, закопать поглубже, как чистоплотные кошки зарывают экскременты... Все некупленные велосипеды, все тычки и тумачи старших, все обманы взрослых... все полезет наружу.

Страшно быть маленьким и беззащитным. Страшно зависеть от воли непонятных тебе больших людей. Если считать, что они непогрешимы, еще туда-сюда. А потом внезапно выясняется, что это не грозные карающие боги, а просто слабые люди, которые не в силах сдерживать свое раздражение. И защитить тебя от страшного мира они не в силах. А сделать тебе плохо – могут.

– Приедете домой, – сказал я, – выпейте коньяку. Только хорошего. С лимоном. О'кей?

– О'кей, – сказал он и вытер ладони о штаны.

Надеюсь, он встретит ночь не один. Это всегда легче.

По оконному стеклу ползли капли, в каждой дрожала крохотная точка света.

Я останусь тут, в теплом доме, а он пойдет обратно, к машине, припаркованной на слишком узкой дорожке – соседи вечно ругаются, что из-за моих клиентов ни пройти, ни проехать.

И его обнимет мрак, как в конце концов обнимает нас всех.

Когда прием подходит к концу, я начинаю маяться, маяться. Я до сих пор не научился обговаривать вопрос о гонораре.

Я представил себе, что я психоаналитик. Они берут дорого, а ведь клиенты их просто лежат на кушетке и рассказывают, как в детстве подсмотрели половой акт между мамой и папой. Или между папой и приятелем папы, не знаю... А я ведь еще и работаю, в отличие от психоаналитика, которому и делать ничего не приходится, только трепаться. Я доброжелателен, но деловит. Сдержан, но эффективен. Вот я каков!

И я с деловым видом начал выколачивать трубку о край пепельницы, словно бы мне не терпелось приступить к работе.

Он понял.

– Серый сказал... Вы берете индивидуально, в зависимости...

– От сложности работы, да. У него был спецзаказ. Я брал по повышенному тарифу. Я стараюсь быть честным со своими клиентами.

– Не знаю, должен ли я вам это говорить...

Искренность производит хорошее впечатление. Как правило. И, что приятно, ее даже не надо симулировать.

– Но с вами легко будет работать. Вы – совершенно нормальный человек.

Я попал в точку. Он отчетливо расслабился.

– Правда? Я думал...

Я немножко подлил бальзаму.

– Сейчас это – редкость.

На самом деле нормальных людей много – на то они и нормальные. Вернее, не так. Нормальные – это те, кого больше. Но ему это знать не обязательно.

– Я возьму с вас по стандартным расценкам. Ну, и конечно, полный расчет по окончании работы. Сейчас только аванс.

Он отсчитал деньги, привычно, быстро. Считать деньги умеет, но расстаётся с ними легко. Не жадный. Я так и думал.

– Вы не пожалеете, – сказал я.

– Знаю. Серый, – он задумчиво кивнул, – остался доволен.

* * *

Серого было очень трудно раскрутить. Я работал с ним почти неделю. Он мялся и жался, говорил правильные вещи, но я по жестам видел – врет. Я посадил его за ноут и заставил пройти тест Брайана-Кеттелла. А потом еще два вспомогательных, пока не докопался, что к чему.

Он, Серый, меня очень зауважал.

Все-таки от этих психологических штучек есть толк.

Я отмыл чашку от слипшихся остатков кофе и сахара, налил себе чаю и сделал бутерброд с луком и колбасой. Несмотря на то что клиент и правда оказался легким, я чувствовал себя опустошенным. Непыльный заработок, ни начальства, ни жесткого графика, много свободного времени, но есть свои недостатки.

А съезжу-ка я завтра на блошку. В прошлую субботу я видел у Жоры неплохую кузнецовскую тарелку с синими принтами. Если она еще не ушла...

И еще надо будет положить деньги на телефон и купить кофе в зернах.

Длинные вечера неприятны тем, что не знаешь, чем себя занять.

С одной стороны, спать вроде еще рано, с другой – и делать вроде особенно нечего.

Потерты корешки, коленкоровые переплеты, тиснение. Очень достойного вида, очень. Когда я только начал этим заниматься, я купил их на развале в привокзальном скверике. Почти вся «Библиотека приключений и научной фантастики», она же «рамочка». Рядом солидные скучных цветов собрания сочинений – Дюма, Гюго, Бальзак, Диккенс. Выше – разрозненные тома Британской энциклопедии, попавшие ко мне совсем уж случайным и причудливым образом. Я никогда их и не открывал, но они, словно в благодарность за то, что оказались в тепле и покое, старательно золотились корешками, сообщая комнате уют и надежность. Спецлитература у меня стояла во втором ряду, не бросаясь в глаза.

Я придвинул тарелку с бутербродом и чашку к ноутбуку, извлек из архива текстовый файл, пристроил блокнот слева на столе и начал прикидывать, что к чему.

«Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю».

Ну да, это можно взять за основу. Но, конечно, придется подгонять под клиента. Переехал сюда откуда-то... хм... ну, предположим, с континента. Или вообще из Америки? Ну да, почему бы нет. Это же классика, такой себе маленький лорд Фаунтлерой. Они, значит, с матерью бедствовали, перебивались всякой поденной работой, а тут им выпало неожиданное наследство, например, дядя помер и оставил трактир, ну и... И вот они приезжают на побережье, он совсем еще мальчик, и его третируют местные пацаны... смеются над его выговором, и ему приходится драться. Там, значит, есть заводила, противный такой, он в собак швыряет камнями, когда они на цепи... точно, это хороший штрих, а наш, значит, вступается, когда тот швыряет камни в собачонку одной доброй женщины, ну и... и они дерутся, они тузят друг друга на тропинке, выбитой сотнями ног, и наш из последних сил уже лезет и наконец побеждает... пыль набивается в рот, он отчаянным движением...

Какое удовольствие работать для клиента без спецпотребностей. Хотя и менее выгодно, конечно.

Тут к ним в трактир, значит, приходит загадочный капитан, останавливается у них... и чего-то боится. Не будем отступать от канона, но надо бы еще добавить любовь, это всегда хорошо, подростковую, чистую любовь, вот как раз когда он с этим деревенским задирой друг друга возят по земле, и тут она... едет верхом, на гнедой кобылке хороших кровей, амазонка, хлыстик, это подбавит немного перцу, ей пятнадцать лет, и она... смотрит на них презрительно, кобылка пятится, и тут он, чувствуя на себе взгляд черных глаз – не лошади, а девочки-подростка, – собирается с силами и ка-ак врежет!.. и она смотрит на него, а он защищал собачку, и она это видела, и они... начинают встречаться, а сквайр против. Почему против? Потому что она – дочка сквайра, вот почему!

Они встречаются у изгороди, лето, гудят шмели, цветет дрок, что там еще у них цветет, они разговаривают, все пронизано эротическим подтекстом, она вроде бы и подсмеивается над ним, она такая дерзкая, его, значит, слегка мучает, а он...

А сквайр – самодур и дурак, он их замечает, когда они стоят, захваченные первой юношеской любовью, и, чтобы не смотреть друг другу в глаза, разглядывают нагретую солнцем серую изгородь, по поперечной жердине, она вся в мелких таких трещинах, ползет муравей, и они оба смотрят на этого муравья, и он вдруг замечает, что муравей этот не черный, как он всегда думал, а красноватый, и тут, топая своими сапожищами, прибегает сквайр... как ее зовут, эту девушку? Лиззи, нет, это простонародное имя, Кейт, это уже получше, сразу ассоциации с Кейт Мосс, такая горячая, длинноногая, этого, правда, не видно, она в этой длинной, значит, юбке, ну и... сквайр ему говорит – ты никто, не смей даже разговаривать с моей дочкой... дочерью, он резко поворачивается, уходит, чувствует, что она смотрит ему вслед, потому что затылок и ямку сзади на шее жжет, как будто ему в спину светит солнце, но на самом деле заходящее солнце светит ему прямо в глаза, и он ничего не видит, потому что глазам вдруг стало как-то горячо, и щиплет.

Ага, приходит домой и говорит: «Мама, кто был мой отец?»

Она молчит, но глаза ее наливаются слезами.

А кто, кстати, его отец?

Ну то есть он, конечно, может быть внебрачным сыном сквайра, его мама была горничной у старой леди, но тогда получается, что девушка ему сестра, это не годится. Сквайр Трелони вообще какой-то идиот, комический персонаж. Доктор Ливси ничего, но зануда. Может, пускай это будет пират? О! Точно, его какие-то печальные жизненные обстоятельства побудили уйти в море, заняться разбоем, ну и... А тут в морских приключениях их стал-

кивает судьба, и они друг другу взаимно помогают, и слезы, и скупые мужские признания, и выясняется, что наш герой высокого рода и может жениться на дочке Трелони. Доктор Ливси что-то знает, это точно.

Пальцы не успевали за мыслями, а мысли сами собой цеплялись друг за дружку, как колесики в хорошем устройстве, и между ними оставался еще воздух, тот прекрасный зазор, в который проникает что-то совсем не отсюда, из-за волшебного золотого занавеса, канонический текст на экране ноутбука стал преображаться, я напишу ему прекрасное детство, своему герою, и прекрасную юность, с мужскими приключениями, я проведу его через самый опасный возраст, я перепишу все его детские обиды, и, когда он это прочтет, настоящее детство в его памяти постепенно будет вытесняться совсем другим, придуманным, но от того не менее реальным. В этом смысле у придуманного больше шансов – мы почти всегда забываем реальное, но помним выдумку.

Я напишу ему его настоящее детство, потому что он мне симпатичен.

Пошлейшая, вообще-то, получается история. Но истории, которые люди рассказывают сами себе в уединении, почти все такие. Если человек нормален, он естественным образом склоняется к расхожим мелодраматическим сюжетам, иными словами, к пошлости.

Тем более никто ему глаза не откроет, потому что он это никому не покажет. Наверняка. Это только для него одного.

Моя работа очень интимна, интимней, чем, скажем, у сексопатолога. Потому что она касается всех сторон человеческой жизни, всех тайных мечтаний.

Если это не спецзаказ, конечно. Спецзаказы обычно предполагают довольно узкий коридор возможностей.

Я все работал, работал, все тюкал пальцами по клавишам и не заметил, что темнота за окном сначала сделалась плотной и бесцветной, как вата, потом расплзлась, открыв кусочек зеленоватого холодного неба. Я попытался сморгнуть резь в глазах, но она не проходила, тогда я на всякий случай скинул на флэшку резервную копию. Потом сварил два яйца в мешочек и слопал их с бутербродом с сыром. Натянул старые джинсы, пиджак прямо на свитер, взял помятую хозяйственную сумку и пошел на маршрутку. Удобней бы рюкзак, но человек с рюкзаком слишком смахивает на иностранца. С такого могут содрать вдвое... Впрочем, меня на блошке знают. Просто привычка.

Блошка оказалась сегодня бедная. Одна-единственная машина из области, раскрыв облезлый багажник, торговала прялками и всяческими орудиями домостроя, даже, кажется, тележными колесами. Второразрядные дизайнеры обычно декорируют такими штуками второразрядные кафешки. Еще сегодня было много каслинского литья, но касли я недолюбливаю за черноту и угрюмость.

На блошке все волнами. Весной, даже особенно не стараясь, можно было найти мстёру, а иногда и старое федоскино, облезлое, но все еще почтенное. Потом шкатулки как-то сами собой рассосались, потом появились опять, но уже у перекупщиков и совсем по другим ценам. Зато у старушек, что выстраиваются у желтых потрескавшихся стен, заплескались, как флаги, зеленые и коричневые гобелены с оленями, дубовыми рощами и замками на холме. А в конце лета прошла волна советского фарфора – мальчики со своими овчарками, толстоногие купальщицы, минималистские круглоголовые девочки шестидесятых, анималистическая пластика, нежные женоподобные всадники в буденовках, их вставшие на дыбы серые в яблоках кони, чье причинное место застенчиво зашлифовано до условного бугорка...

Потом фарфоровая армия ретировалась, и мальчика с его остроухой овчаркой можно купить теперь за сотню баксов, и то если очень повезет, а девочки с мячиками как были дешевками, так и остались.

Сейчас было много столового фарфора. Я приценился к мейсену с голубыми бабочками. Продавец просил полтора баксов, я сбил до девяноста, но, пока я крутил тарелку в

руках, раздумывая, брать или не брать, подскочил незнакомый тип и сторговался с продавцом. Может, стоило все-таки взять – на будущее, подождать, пока она вырастет в цене, и потом толкнуть?

Впрочем, почти тут же я натолкнулся на приятную тарелку с цветочными мотивами, золото по кобальту, за тридцатник, ну и взял, раз уж мейсен уплыл. Продавец уверял, конечно, что тоже мейсен, они все так говорят, но если это мейсен, то подозрительно дешевый, а если нет, то я, похоже, переплатил. Чтобы определиться, я показал тарелку Жоре, который стоял на углу. На расстеленной газетке у него лежало неплохое блюдо, модерн, рельефные цветы и фрукты, четырехугольное, один угол как бы заворачивается конвертиком. Блюдо было без клейма и со склейкой, я покрутил его в руках, но как-то не решился. Еще была неплохая супница, из семьдесят восьмого сервиза, но без крышки. Крышки бьются быстрее супниц.

Тарелка с принтами, он сказал, уже ушла. Жаль. Там, на ней, был лев в зарослях, грибастый, с почти человеческим лицом, как вообще тогда рисовали львов.

– А, – он привычно повернул тарелку доньшком вверх. – И почему?

– За тридцатку. Похоже, паленый мейсен.

Он подумал.

– Ну, хочешь, я у тебя за семьдесят возьму?

– Нет, – сказал я, – не хочу.

– Хорошая вещь. Не расстраивайся.

– Я и не расстраиваюсь.

– Только это никакой не мейсен. Довоенный немецкий шабах. Валлендорф.

– А скрещенные мечи?

– Это не мечи, а стилизованное дубль-вэ. У них до войны было такое клеймо. Вот как это у тебя получается? Нюх у тебя, что ли?

– Сам не знаю, – сказал я, – просто понравилось.

Завернул тарелку в мятую газету и положил в сумку.

– Вот ты нам тут весь бизнес портишь, – дружелюбно сказал мне в спину Жора.

На углу я купил в киоске пакетик с чипсами и колу – очень вредная еда, сплошные калории и усилители вкуса – и пошел к маршрутке. Тут неподалеку автовокзал, народу набивается полным-полно, и я всегда боюсь, что подавят мои покупки.

В конце концов, заработал я хотя бы на то, чтобы один раз проехаться с комфортом, или нет?

Тачка и подкатила, чуть ли не чиркнув по бордюру, серебристая «Мазда», я приоткрыл дверцу и сказал:

– Дачный переулок!

И назвал цену.

Я думал, он станет торговаться, но он молча кивнул. Я захлопнул переднюю дверцу и сел сзади, а сумку поставил на пол – некоторым не нравится, когда большие сумки ставят на сиденье.

Пока я вертелся, пытаюсь уместиться, «Мазда» тронулась с места и поплыла вдоль желтых покосившихся домишек, вдоль расстеленных у стен ковриков и газет, на которых выстроились бэтмены, пластиковые фигурки из киндер-сюрпризов, гипсовые богоматери и пластиковые китайские кашпо. Сами стены были увешаны, как флагами, разноцветными махровыми полотенцами, восточными халатами, плюшевыми ковриками, и я увидел уезжающую назад прекрасную бордовую плюшевую скатерть, с кистями и розами, но постеснялся сказать водителю, чтобы притормозил.

Тут я сообразил, что водитель что-то говорит.

– Простите, – сказал я, – недослышал. Задумался.

– Вот мне интересно, кто-то садится спереди, кто-то сзади. Почему?

– Что почему?

– Почему вы сели сзади? Боитесь? Ну да, самое опасное вроде место считается, рядом с шофером, один мой знакомый тачку тормознул, хотел сесть спереди, ручку заело. Так он сел сзади, а на перекрестке в них «бээмуха» врезалась. На полной скорости. Все всмятку, у него ни царапинки.

– Не знаю, – сказал я честно, – не думаю, что я боюсь. Просто...

Мама как раз тогда ехала сзади. На заднем сиденье.

– А я вам скажу, – он повернул руль, и «Мазда» мягко выехала с булыжника на относительно гладкий асфальт – тот, который спереди садится, он садится, чтобы спереди обзор был. Чтобы видно все. И чтобы с водителем можно было поболтать. Потому что понимает, раз человек остановился, подобрал, то не обязательно ради денег. Может, ему просто поговорить хочется. А те, которые сзади... они скрытные. Они одиночества ищут. Для них водила все равно что автомат, ведет, и ладно. Неодушевленный предмет.

Я поднял глаза, пытаюсь в зеркальце над водительским местом рассмотреть говорившего. Увидел серый глаз и небольшие залысины. Затылок у него был крепкий, стриженный, небольшие уши плотно прижаты к голове. Лет тридцать пять – сорок. Тоже психолог, вот те на.

Он неувовимо напоминал моего последнего клиента. Словно вывелась новая порода, все крепкие, все коротко стриженные. Этот, правда, поговорить любит, что скорее исключение. Обычно таким, чтобы разговориться, нужно выпить. Снять зажимы.

Машинально отметил, что у него вроде нет слова-паразита. Странно.

– А ведь что получается? – продолжал он. – Получается, такие не уважают людей. А то и презирают. Нет?

Может, из тех, что все время ищут ссоры? Тогда я попал. Но руки, лежащие на руле, были спокойные, с сильными пальцами и чистыми ногтями.

Такому не надо врать.

– Почему – не уважают? Бывают просто нелюдимые люди. На то, чтобы поддерживать разговор с незнакомым человеком, у них уходит слишком много нервной энергии. Поэтому они стараются избегать таких ситуаций. Скорее всего, бессознательно.

– «Нелюдимые люди», это как?

Я по-прежнему не видел его лица, и руки лежали на руле, поэтому мне трудно было его вычислять.

– Несовместимое получается понятие, есть специальное слово...

– Оксюморон.

– Вот. Отксюморон. Я же помню.

Не очень-то он помнил.

По стеклу потекли капли, в каждой, если всмотреться, видна грязноватая улица с желтыми, розовыми мокрыми домами. Со своего ложа восстали «дворники» и мягко прошлись, сметая множество миниатюрных миров.

Он молчал, но я уже не мог расслабиться – ждал, что он вот-вот заговорит опять. Ладони тут же взмокли, я вытер их о джинсы.

Зачем я сел вообще в машину? Дождался бы маршрутки. Правда, вон какой дождь зарядил. И в сумке хрупкие вещи.

– Вот вы, простите, кем работаете?

На этот счет у меня всегда заготовлен ответ.

– Редактором.

Редактор – удобная профессия. Никакая. И близко к правде.

– Не писателем?

– Нет, – сказал я и почувствовал, что голос сделался чуть тоньше, чем обычно, как всегда бывает, когда человек врет.

– Жаль, – он вздохнул, и «дворники» эхом прошуршали по стеклу, – потому что мне нужен писатель.

Он не просто так остановился, чтобы подобрать меня.

Налоговый инспектор? Но зачем налоговому инспектору подстергать меня на блошке? Он мог просто заявиться ко мне на дом, ну, не на дом... в общем, мог, правда, непонятно, много из меня не выдоишь, деньги по нынешним меркам, если честно, смешные. Рэкетир? Опять же, какой смысл?

Или, что еще хуже, сумасшедший заказчик.

Открыть дверцу, выскочить на повороте? На светофоре? Хрен с ней, с сумкой. Правда, тарелку валлендорфскую жалко, хорошая тарелка. Впрочем, это все ерунда. Раз за мной следил, значит, знает, где живу. Тем более мы как раз вырулили на трассу, с одной стороны железнодорожные пути, с другой – плотная серая стена городской тюрьмы с проволокой поверху и выплывшим щитом «Здесь могла быть ваша реклама!», прямая трасса и никаких светофоров. И три ряда машин.

– Тогда вам в Союз писателей надо. На Белинского. Такой домик с башенкой. Там все – писатели.

– Мне не нужен домик с башенкой, – сказал он, – мне нужны вы. А вы что, испугались? Я-то думал, неформальная обстановка, то-се. Посмотреть на вас хотелось, узнать поближе.

– Это вы зря. Я не люблю, когда на меня давят.

– Кто же на вас давит, Семен Александрович? Я просто хотел предложить вам работу. Заказ.

– Если так, вы плохой психолог, – сказал я.

– Я вообще не психолог, – он снова вздохнул, и на сей раз «дворники» не поддержали его, потому что дождь закончился и в разрывах облаков холодно сверкало небо, – это у нас вроде бы вы психолог, нет? Уникум, можно сказать.

Точно. Сумасшедший заказчик. Меня несколько раз пытались подрядить на особенное, тонкое, как они обычно говорят, но никакой тонкости там нет и в помине, просто короткое замыкание рефлексов, одного безусловного, другого условного, что-то залипает в голове.

– Я занят сейчас, – сказал я, – и заказы не беру.

– У меня спецзаказ.

Ну да, верно. Тот же Серый... Но Серый пришел ко мне через предыдущего клиента, по рекомендации, да и пристрастия у него оказались безобидные, как потом выяснилось. Зря он так стеснялся. Ну, относительно безобидные.

Черт его знает, может, и правда просто клиент. Кто его на меня навел, вот что интересно.

Была такая сценка у Ильченко и Карцева, давным-давно, в мохнатые годы. Клиент приходит к врачу, просит сшить костюм. Отрез принес. Врач, понятное дело, отнекивается (я в детстве думал, надо говорить «оттенкивается»), говорит, вы с ума сошли, я врач, я больных лечу. Клиент напирает, говорит, я же все понимаю... врач уже плачет. Под конец, когда врача уже становится сил нет как жалко, он говорит – ладно, первая примерка в пятницу. Жванецкий, наше все.

– После Нового года. Оплата по верхнему тарифу. Эротика. Не порнография. И учтите, с бэдээсэм я еще готов работать, но не больше. Зоофилия, педофилия, это не ко мне.

– Чего?

– Сейчас я занят, – сказал я терпеливо, – записывайте телефон, созвонимся и обсудим. После Нового года.

Я и правда не люблю работать по спецзаказам. Может, он к тому времени передумает. Или найдет, на что потратить деньги. Новый год затратный праздник.

– Я знаю ваш телефон, – рассеянно сказал он, – погодите... вы подумали, – он не покраснел, но пальцы на руле чуть дрогнули, – что я... извращенец, да? Что-нибудь этакое? Но я хотел... Знаете что? Тут пиццерия есть хорошая. Вы вообще-то есть хотите?

Я прислушался к внутренним ощущениям и понял, что просто ужасно хочу есть.

– Нет.

– Зато я хочу, – сказал он.

Я подумал: здесь, в машине, я заперт и полностью в его власти, а в пиццерии, по крайней мере, волен в любой момент встать и уйти. Впрочем, куда уйти-то? Он, похоже, все обо мне знает. И как меня зовут. И где я живу. И телефон.

Мы проехали мимо лужи, где лежали, развалившись и вытянув тонкие ноги, две серые, с розовыми пролысынами собаки и глядели друг на друга.

Если ехать прямо и прямо, будет спуск к морю, единственное, что осталось на своем месте, это море, когда-то за старой одноэтажной почтой, магазинчиком пляжных товаров и ларьком «Союзпечать». Сейчас – за трехэтажной частной гостиницей «Арения» (что это вообще значит?), за вычурным особняком с колоннами, за стеклянным павильоном «Мир метизов».

Может, в пиццерии будет проще, я подберу к нему нужный тон, нужный ключ. Если человек к тебе спиной, а руки держит на руле, работать практически невозможно.

Каждый раз по пути в город я проезжал мимо этой пиццерии. Так, кафешка, одна из многих. Терраса увита красноватыми сейчас плетью дикого винограда. И Челентано поет – еще бы, как же без него.

Я прихватил сумку и прошел вперед, в самый дальний угол. Сумку я поставил на вытертый пол, рядом с ножкой стула, так, чтобы можно было быстро схватить ее и уйти.

Сейчас, осенью, кафешка была почти пуста, только за столиком у входа молодые родители деловито поглощали пиццу, а девочка лет пяти – мороженое, облитое каким-то разноцветным сиропом. Я отвел взгляд.

Когда я садился в машину, я его не разглядывал, я вообще не люблю контакта глаза в глаза. Обычно я смотрю на руки и слушаю дыхание и голос.

И правда, чем-то похож на моего последнего клиента. Подтянутый, с коротковатой шеей, тридцать пять уже исполнилось, а сорока скорее всего нет, в свитере поло и пиджаке (пиджак он снял и повесил на спинку стула), руки спокойно лежат на темных досках столешницы.

Официантка подошла сразу – они таких чуют. Он просмотрел меню, обернулся ко мне.

– Вы что будете?

– Ничего, – сказал я.

– Как, совсем ничего?

– Ну, можно кофе. Эспрессо.

Кофе – удобная отмазка. Вроде что-то заказал, а вроде и нет.

Он тоже заказал эспрессо. И пиццу с морепродуктами. Идиотское слово «морепродукты».

– Тут хорошее пиво, – сказал он с сожалением. – Я за рулем. Жаль.

Я молчал.

– Вы странный человек, Семен Александрович. И заработок у вас странный.

– Вы, похоже, много обо мне знаете.

В красной пятипалой листве, обвивающей ограду летней веранды, шуршал бражник. Вместо крыльев – размытое бледное пятно.

– Навел справки. Пришлось. Ковальчуки уехали в Швейцарию по контракту, пустили вас пожить, чтобы дача не пустовала... с условием, что девок водить не будете. Да вы и не водите. Зато принимаете клиентов. Ну, так я еще один клиент. В чем же дело?

Принесли пиццу. От нее волнами расходился запах теплого хлеба и симпатичных морских гадов. Принесли соус. Он пах лимоном и чесноком.

Я сглотнул слюну и отвернулся.

Интересно, тут можно заказать пиццу на дом?

– Вы точно не хотите? – Он кивнул на пиццу.

– Точно не хочу. И заказы сейчас не принимаю. После Нового года обращайтесь.

Может, все-таки налоговый инспектор? Кто-то из заказчиков его ко мне подослал? Кто-то недоволен работой? Нет, чушь, такое только в дешевых триллерах бывает. Блин, я же сам их и пишу.

Я полез в карман пиджака за трубкой, потом вспомнил, что забыл ее дома. Жаль. Без трубки труднее войти в образ.

– Мне нужно сейчас. – Он для убедительности похлопал ладонью по столу. Ладонь была сухая, влажного следа на столешнице не осталось. Везет же людям.

Чем больше он напирал, тем больше я упирался. Он и правда плохой психолог. На таких, как я, нельзя давить. Нельзя давить на робких людей с воображением.

Семья за соседним столиком собралась уходить, шумно двигая стульями. У мужа были слишком четкие жесты, как бы разбитые на аккуратные фрагменты. Ей наверняка будет нелегко с ним – не сразу, но будет, позже, после возрастного кризиса. Пока что он просто кажется аккуратным и хозяйственным.

Я встал. Бросил на стол смятую деньги, хотя кофе еще и не поднесли, подхватил сумку и пошел к выходу.

– Приятно было познакомиться, – сказал я, – нет, вру. В общем, не очень приятно. После Нового года. И то... не уверен, что смогу с вами работать.

– Хоть кофе выпейте.

– Дома выпью. До свиданья.

– Семен Александрович, – сказал он мне в спину, – вы дурак.

* * *

Дома я первым делом вынул из сумки валлендорфскую тарелку. Она сейчас казалась даже ярче, чем на рынке. И больше. И жизнерадостней.

Вещи там теряются в пестром обществе других вещей. Начинают стесняться. Если бы это были люди, они бы стояли, втянув голову в плечи, сгорбившись и сунув руки в карманы. Некоторые, впрочем, наоборот, хвастаются собой, выставляются, кричат каждым своим изгибом «вот я какая!».

Эти, попадая в дом, стремительно блекнут, вдруг обнаруживают трещины и сколы, и радость от их приобретения сменяется разочарованием. Зато дурнушки расцветают, словно в благодарность за то, что их забрали из страшного места, из страшных чужих рук или, что еще хуже, из знакомых рук, вдруг ставших чужими.

Я поставил тарелку на полку над диваном и осмотрелся.

В общем, тут уютно.

И почти тихо, почти – потому что с дальнего участка в будние дни доносится шум стройки.

Теперь все время что-то строят.

Я включил ноут. Просмотрел почту – ничего, сплошной спам. Убил Соловьева. Убил Олега. Убил Лебедева, какую-то Рогулину, Виталия Хрисофановича и честную супервиагру. Зашел на форум коллекционеров. Поискал валлендорфские клейма. Действительно.

Позвонил, заказал пиццу на дом. Вспомнил, что забыл купить кофе в зернах. Включил электрический чайник. Накрутил чашку растворимого кофе. Отхлебнул. Поморщился. Посмотрел на часы.

Четырнадцать тридцать.

Пиццу все не несли, хотя по идее пиццу должны развозить с космической просто скоростью. Я уже хотел звонить им, устроить скандал, но тут курьер позвонил сам. Сказал, что стоит у калитки Дачной улицы, десять, звонит в звонок уже двадцать минут и никто не отвечает. Я сказал, что пиццу заказывали в Дачный переулок. Он сказал, что, когда заказываешь, надо выражаться точнее. Я сказал, что он не умеет читать – в заказе все четко написано. Он приехал минут через десять. К этому времени пицца уже начала остывать и вообще показалась мне не такой вкусной, какой обещала быть в той пиццерии. И не такой красивой. Хотя я заказал ее там же и точно такую же, с морепродуктами. Они даже соус привезли – лимон, чеснок и толченный укроп. И все равно не то. Почему?

Не знаю...

Может, потому, что я до этого выпил мерзкий, кислый растворимый кофе?

Я доел остывшую пиццу с резиновыми, безвкусными морепродуктами, выбросил упаковку, вымыл чашку.

Впереди еще длинный-длинный день.

Открыл рабочий файл и двинулся дальше. Вошел в тему с трудом, назойливый несостоявшийся клиент влез со своей харизмой и перебил впечатление от того, предыдущего. Именно потому я никогда и не берусь за две работы одновременно. Пришлось сосредоточиться, вспомнить, как он сидел напротив меня, как разговаривал, как говорил «ну и...».

Поймал волну.

Настроился.

Потихоньку дело сдвинулось с мертвой точки, герой со своими верными друзьями плыл к далекому острову, он по натуре не стяжатель, ему эти сокровища на фиг не нужны, но девушка и ее папа-сквайр... Он хочет доказать сквайру, что достоин девушки... это похоже на правду, это в его характере. Сквайр, кстати, плывет на этом же корабле. Надо как-то так устроить, чтобы он сквайра этого по дороге спас... Какое-то еще приключение, которого нет в каноне. Пираты? Пираты потом все равно будут, слишком много пиратов не катит, предположим, они попадают в страшный шторм, сквайра смывает за борт, а наш герой, храбрый юноша...

У Конрада вроде бы было хорошее описание шторма. Я опять полез в Сеть, нашел описание шторма, скопировал, вымарал ненужные куски, оставил нужные. Получилось красиво.

«Он ловил ртом воздух, и вода, которую он глотал, была то пресной, то соленой. Большею частью он оставался с закрытыми глазами, словно боялся потерять зрение в этой сумятице стихий. Когда ему удавалось быстро моргнуть, он испытывал некоторое облегчение, видя с правого борта зеленоватый огонек, слабо освещающий брызги дождя и пены. Он смотрел как раз на него, когда свет упал на вздымающийся вал, погасивший огонь. Он видел, как гребень волны с грохотом перекинулся за борт, и этот грохот слился с оглушительным ревом вокруг, и в ту же секунду столбик вырвало из его рук. Он грохнулся на спину, потом почувствовал, как волна подхватила его и понесла вверх. Первой его мыслью было – все Китайское море обрушилось на мостик».

Все-таки Конрад хороший писатель!

«Китайское море» я поменял на «Карибское».

Наш герой видит, как у сквайра, отца его первой любви, вырвало из рук конец линя, и сам, по своей воле, бросается за борт, чтобы поддержать утопающего. Он обвязывается веревкой, страшный удар, вода как бы твердая, веревка натягивается, волна бьет ему в лицо, он не может дышать, отворачивается, хватается ртом смесь воздуха и воды, петля каната под

мышками в кровь истирает кожу, режет, грозя разорвать его надвое, отсюда, снизу, судно кажется очень большим, громада, заслоняющая небо, и несется оно прочь в океанских водах очень быстро, и тут он видит мелькающий в волнах яркий камзол и из последних сил...

Мне и самому понравилось.

Я и сам видел эту воду, ее стеклянную стену, ее заворачивающийся гребень, пенный, чуть розоватый, мне не хватало воздуха, и я тянул шею, чтобы избежать смертоносных объятий волны, и тут...

– Да, – сказал я, – да, слушаю.

У моих героев не было сотовых. Никто не мог их достать в тропических морях. Ни одна сволочь.

– Сенька, у тебя все в порядке?

– Да, – сказал я осторожно, – в порядке. А что?

– Папа здоров?

– Здоров. Все нормально. Как там, в Цюрихе?

Преамбула для Ковальчука длинновата. Не такой он был человек, чтобы спрашивать о здоровье чужих родственников, да еще по международному тарифу. Я сразу насторожился.

И голос у него был чуть выше обычного. Может, конечно, низкочастотная составляющая теряется при передаче...

– Цюрих на месте, – сказал Ковальчук, – только это Берн. Не Цюрих, Берн. У тебя точно все нормально?

– Все нормально. Дома все спокойно. Дача на месте. Ничего не взорвалось, ничего не сгорело, ничего не протекло. Котел работает. За электричество я заплатил. За газ тоже. До конца сезона поливал. По утрам, как ты велел. Регулярно.

– А что ты сейчас делаешь?

– Сажу за столом. Пытаюсь работать. С тобой разговариваю.

– И девок никаких не водишь? – спросил Ковальчук подозрительно.

– Я не вожу никаких девок. Не веришь, спроси у соседей. У этой, как ее...

Я попытался вспомнить, как зовут эту, как ее, и не смог.

– Ну хорошо, – неуверенно сказал Ковальчук, – ну ладно...

Он скорее всего купил карточку, по карточке это копейки стоит, или что там у них, а с меня, по-моему, все равно эти гады сдерут, даже если звонок входящий.

– Валька, – спросил я напрямик, – ты чего?

У меня образовалась неприятная пустота под ложечкой.

Не люблю разговаривать по телефону, разве что коротко и по делу. Мне надо видеть собеседника. Валька наверняка сейчас дергает себя за ухо. Есть у него такая привычка, когда ему неудобно или неловко...

– Ничего... подвернулся один вариант, понимаешь. У меня нет претензий, ты не думай. Но тут дорого все, в Цюрихе.

– В Берне?

– Ну да, в Берне. Транспорт, и вообще... Ты без обид, а? Это ж не то что на улице.

– Я не могу жить с папой, – сказал я, – мне надо работать. В чем дело, Валька? Мы же договаривались.

– Мы договаривались, что ты присмотришь за дачей, пока других вариантов нет. – Голос Вальки стал жестче, он для себя решил, что я неблагодарная свинья, готовая укусить дающую руку. – А другие варианты появились.

Гребень волны с грохотом перекинулся за борт, и этот грохот слился с оглушительным ревом вокруг. Волна трепала меня, крутила и швыряла, я мысленно повторял: «Боже мой, боже мой, боже мой!»

Что я буду делать? Это же конец всему!

- Валька, – сказал я мерзким заискивающим голосом, – вот сколько они тебе обещают?
- А тебе какое дело? – сухо спросил он.
- Ну все-таки?

Он сказал. Мне показалось, он соврал. Завысил сумму. Ему было неловко, что он предал меня так дешево.

На всякий случай я спросил:

- За сезон или за месяц?

Он помялся, но честность взяла верх:

- За сезон.

Тогда ладно. Тогда еще ничего.

- Я буду платить столько же.

Там, далеко, в своей Женеве, Валька молчал.

Потом сказал:

- Неудобно как-то. Со своих брать.

– Свои лучше, чем чужие. – Я оглядел книги на полках, камин, прекрасную зеленую лампу... – Ты ж меня знаешь. А тут неизвестно кто...

- Вообще-то известно кто, – пробурчал Валька.

– Валька, – сказал я, – не морочь голову. Я тебе на этой неделе заплачу. Вперед. На твой счет положу, хочешь? Или через «Вестерн Юнион»?

Я старался не оставлять ему путей к отступлению, теперь, если он мне откажет, он сам себя почувствует последней сволочью.

- До конца месяца сможешь?

- Да, – сказал я, – смогу.

* * *

Он стоял у калитки.

Еще бы. Он знал мой адрес.

Я сказал:

– Послушайте, ну что вам надо? У меня сейчас есть работа. Заказ. Я не могу работать над двумя заказами сразу. И вообще...

Он сказал:

- Можно все-таки войти?

Серебристая «Мазда» стояла у ворот, в сумерках она казалась полупрозрачной.

Я посторонился.

Он пошел по дорожке, мне оставалось только идти за ним, уставясь в его крепкий затылок. Интересно, а у меня-то какой затылок? В двух зеркалах, поставленных напротив друг друга, можно увидеть свою спину, в парикмахерской, например... Смотришь на себя в непривычном ракурсе и сразу понимаешь, что ты чужой себе человек.

- Декорация, – сказал он, оглядывая комнату, – для лохов.

- Я тут живу.

- Значит, живете внутри декорации.

Чаю я ему не предложил. Даже сесть не предложил. Это и не понадобилось. Он уселся в кресло, сложил руки на коленях и молча посмотрел на меня.

Я тоже молчал. Молчание висело в комнате как целая тонна стекла.

Наконец я не выдержал.

- Это вы устроили. Натравили на меня Ковальчуков.

- О чем это вы? – очень натурально удивился он.

– Почему не обратились ко мне обычным, стандартным образом? По рекомендации, как все. Почему устроили этот цирк?

– Мне хотелось посмотреть на вас, – он пожал плечами, – познакомиться поближе. Чтобы в непривычной обстановке. Это помогает.

– Познакомились?

– Да. Потому что у меня были сомнения. Годитесь ли вы для этой работы.

– А теперь сомнений нет?

Он вздохнул.

– Я ведь все про вас знаю, Семен Александрович. Навел справки. Пробил по своим каналам. Никаких высших литературных курсов в Москве вы не кончали, сценариев для любимого народом сериала «Не родись красивой» не писали, хотя ваши клиенты почему-то так думают. А были вы в это время совсем в другом месте... Но, знаете, все это выяснить было трудновато. Ни один из тех, кто пользовался вашими услугами, о вас ничего не хотел говорить. Ни один.

Я услышал тихое шуршание, топот сотен маленьких ножек... Опять дождь?

– А как вы вообще на меня вышли? Откуда узнали?

– Случайно. Одна женщина рассказала. Ее муж что-то читал и спрятал, как только она вошла. Она думала, это что-то, ну, какое-то особенно жесткое порно.

Одна женщина. Понятно. Наверняка любовница. Иначе бы не рассказала.

Я на всякий случай сказал:

– Я с порнографией не работаю. Только с эротикой. Иногда.

– Я понял. Кстати, что такое бээсдээм?

– Бээсээм? Садо-мазо. Всякие игры. Такого рода. По обоюдному согласию. Только... Я никогда не пишу одну только эротику. Как составляющую сюжета, да.

Ну вот, например, он только что разделался со злодеем, который хотел уничтожить мир. Входит в секретную комнату – из кабинета злодея, там такая дубовая стенная панель, и вот она отъезжает в сторону. И он видит, его бывшая возлюбленная, прекрасная шпионка, которая его предала, рыжеволосая красавица, стоит, прикованная к стене. Он, конечно, подходит и дает ей пощечину. Она плачет и говорит, что ее шантажировали, угрожали, и он обнимает ее и чувствует, что теряет над собой контроль. И вот, значит, руки у нее в кандалах, и она, значит, вот так стоит, и тогда...

Или наоборот, он прикован к пыточному креслу. Красивая женщина, вся в черной коже, она принадлежит к секретной фашистской организации, которая хочет погубить мир. И она берет ланцет и проводит ему по груди, вспарывая гидрокостюм, в котором он проник в секретное злодейское убежище. Эластичная ткань расползается, открывая его мускулистую грудь... и красная полоса, которую оставил ланцет, набухает каплями крови. И тут она...

Я вздрогнул и пришел в себя.

– Она в конце концов добралась до этой книжки. Как вы думаете, что это было? «Властелин колец». В переплете, все как надо. Только он немножко отличался от оригинала. Там был еще один персонаж. И когда она начала читать, она его узнала. Представляете? Ее муж путешествовал с хоббитами. Как идиот.

Верно, это был большой заказ. Я работал по Муравьеву и Кистяковскому, клиент был повернут именно на этом переводе. Шпарил наизусть, страницами. Зарница всеночной зари... за дальними морями... надеждой вечною гори... над нашими горами. Очень красиво!

– Да, – согласился я, – он путешествовал с хоббитами и беседовал с эльфами, и побывал на советах мудрецов и властителей. Он видел снег Карадраса и мрак Казад-Дума...

– Вот я и стал наводить справки. И это оказалось гораздо труднее, чем я думал.

Еще бы. Если бы они выдали меня, они бы выдали и себя. Тем самым. Свои тайные желания, свои мечты... свой позор.

Надо хотя бы взять с него по максимуму. За соблазненных малых сих, то есть за Вальку Ковальчука, который, прельстившись неожиданно свалившимися доходами, нарушил слово. Он ведь пустил меня бесплатно потому, что за дачей надо было присматривать, а сдать ее приличным людям он уже не успевал.

Или он и правда ни при чем? Валька всегда был жадноват, а в Швейцарии эта его прижимистость просто как бы легализовалась, стала нестыдной, потому что там, в Швейцарии, это, наоборот, правильно и хорошо?

У него ведь даже нет слов-паразитов. С ним будет трудно работать.

– Люди, – сказал я, – несчастны. Психоаналитики делают себе на этом целые состояния. Просто кладут людей на кушетку и велят им рассказывать... и почти все рассказывают знаете про что?

– Догадываюсь. Про детство. Про детские обиды. Несбывшиеся мечты.

– Фрейд полагал, это связано с сексом. Комплекс кастрации, страх кастрации, оральная фаза, анальная фаза, то-се... на самом деле в детстве время спрессовано. Сгущено. Ребенок проживает за день то, что взрослый – за год. Поэтому на самом деле почти весь его жизненный опыт приходится на детство. Ну и травмы – тоже. Когда я начал заниматься этим...

Я вдруг понял, что рассказываю все это постороннему человеку, даже имени его не знаю.

– Так вот, когда я начал этим заниматься, я думал, ну, боялся, что они и вправду будут хотеть чего-то эдакого. Экзотических сексуальных приключений, может, чего-то в духе там маркиза де Сада, «Истории О»... не знаю. А они всего-навсего хотели, чтобы я заново переписал их детство. Почти все. Чтобы все было хорошо, и приключения, и доверие старших, и первая любовь...

– Женщины тоже? Заказывали детство?

– С женщинами я не работаю.

– Почему?

– Не знаю... не получалось. У меня не было клиенток. Только клиенты.

– Любопытно, вам не кажется?

– Наверное.

«Мазда» вдруг издала душераздирающий звук, стекло в окне мелко завибрировало, тени веток и пятна света приобрели размытые края.

– Кошка прыгнула на капот, – сказал я, – скорее всего. Холодает, а капот теплый.

Он встал, подошел к окну. Сигнализация смолкла, но он так и остался стоять у окна. Теперь я был в психологически невыгодном положении: он смотрел на меня сверху вниз.

– Ладно, – сказал я, – что вам на самом деле от меня надо?

– Спецзаказ. Нет-нет, я понял. Другого рода. Я хочу, чтобы вы написали мне биографию.

– Не мой профиль. Послушайте...

– Нет, это вы послушайте! Говорю же, я навел справки. Есть тут один, член Союза писателей, написал биографию Бори Вольного, знаете, сеть турецких пекарен. Паршивый хлеб, если честно. Пока свежий – ничего, а когда высыхает, крошится, как картон. Очень все благородно, хороший мальчик, поднялся из низов, все своим умом, маму-папу любил, все удавалось, за что ни брался... На самом деле жулик, пробы негде ставить, сначала его папа бил, потом он папу, женился выгодно, потом развелся, опять женился выгодно, тесть из бывших комсомольских работников, сам бывший комсомольский работник... ну, понятно. Паршиво написано, но не в этом дело.

Он говорил быстро, словно боялся упустить важное. Что может быть такого важного в биографии Бори Вольного?

– А в чем?

- Не годится. Мне вы нужны.
 - Именно я? Чтобы написать вашу биографию?
 - Нет, – он покачал головой, – я же сказал. Не мою биографию. Мне биографию.
 - Почему я?
 - Потому что вы псих. Как раз то, что нужно.
- Сигнализация за окном опять заорала.

* * *

Текст я обычно верстаю в стилистике старых добрых времен, под «Библиотеку приключений и фантастики». Как говорят книжники, «рамочку». Шрифты, колонтитулы... А знакомый переплетчик делает вполне приличные обложки, не стыдно людям показать. Клиенты обычно довольны. Этот тоже был доволен, он подержал книжку на ладони, взвешивая ее тяжесть.

- А... электронной копии нет?

Я протянул ему компакт. Тут не угадаешь, некоторые просят тут же все стереть, чтобы в одном экземпляре, чтобы и следа больше нигде не было. А некоторые, наоборот, хотят иметь копию для подстраховки.

- Если что не так, звоните. Рекламации принимаются.

Я наверняка знал – не позвонит. Они обычно даже не проверяют, что там, под обложкой. Забирают заказ и тут же уходят. Не потому, что им не терпится раскрыть книжку и прочесть про свои замечательные приключения в замечательном, прекрасном и ярком мире, а потому, что им неловко. Я слишком много про них знаю.

В поезде люди готовы раскрыть душу случайному попутчику, но вряд ли они обрадуются, если вдруг окажется, что этот случайный попутчик в силу обстоятельств будет им все время попадаться на глаза: так и до убийства можно дойти. Иногда после особо изощренного заказа я думаю, а вдруг меня и правда убьют...

Я смотрел, как он идет от крыльца к калитке. Даже походка изменилась, сделалась более мальчишеской. Походка человека, который знает тайну.

Он придет домой, нальет себе коньяку, сядет в кресло и раскроет книгу. Никогда не видел, как они читают, что чувствуют, оказавшись в правильном мире, в мире, где все как надо. Впрочем, может, это и нельзя видеть никому. Даже мне.

Я опорожнил заварочный чайник в заросший розовый куст. Оттуда вспорхнула стайка бледных бабочек.

Вот человек вышел за порог – он еще дома? Или уже нет? Дверь открыта, на мокрое крыльцо падает квадрат желтого света, еще несколько шагов по дорожке, по ногам бьют колоски пырея, потом за калитку... За зелеными железными воротами, которые изнутри запираются на огромную ржавую щеколду, уже лежит чужой, враждебный мир, где по длинной приморской дороге трясутся в вечернем трамвае незнакомые люди. И оттого, что рядом так много пространства, света и тумана, дом кажется последним убежищем.

И никто меня отсюда не выгонит. По крайней мере, в ближайшие полгода.

Заварил чай, поставил его у локтя и сел к ноутбуку. Просто так.

Расставшись с клиентом, сначала испытываешь облегчение, потом странную тоску. Я ведь видел эти корабли, этот абордажный бой, багровое солнце зависло в раскаленном желтоватом небе, вода масляно блестела, а два судна медленно сближались, сближались бортами... Загорелые бородатые моряки, весело и злобно оскалась, готовили абордажные крючья, а ядра, ударяясь в гудящие борта, выбивали щепу, летевшую во все стороны. Одноглазый пират – не просто затертый штамп. Там было много одноглазых, неудивительно.

Навестил форум антикварного стекла.

То, что раньше стыдливо выносили на помойки, стало входить в моду – и дорожать неадекватно качеству и происхождению. Какое раздолье для преступных замыслов! Вот на форуме опытный коллекционер отвечает на вопросы. Вот граждане доверчиво выкладывают свои виртуальные сокровища, чтобы смешную вазочку, которую оставила бабушка, знающий человек похвалил, а то и оценил – вдруг она все-таки не такая дешевка, как казалось поначалу?

Большей частью посетители форума хвастаются ерундой и ширпотребом, но иногда можно и вправду напасть на что-то уникальное. Хм...

Открыл комментарии. Опытный коллекционер просил очередного счастливого обладателя поставить вещь на подоконник и сфотографировать ее под прямыми солнечными лучами, чтобы он мог определить, урановое ли это стекло или просто окисел меди. Чуть ниже он осведомлялся, не Толстая ли это Берта видна в окне. Точно, отвечал растроганный вниманием счастливый обладатель, она самая, она у нас буквально в двух кварталах. Теперь опытный коллекционер точно знает, где живет обладатель уникальной вазы. Интересно, долго ли обладатель останется обладателем?

Представим себе, что действует некая преступная сеть... Вот они нанимают знающего человека, и он под разными именами посещает форумы коллекционеров, дает консультации. Рано или поздно кто-то показывает что-то такое... невероятное... Рядом с коллекционером сидит опытный психолог и втягивает любителей в разговор. На форумах люди доверчивые, им кажется, они надежно защищены анонимностью... вдобавок магия нового средства информации, против которого человечество еще не успело выставить психологическую защиту – как когда-то против радио, а позже – кинохроники. Ну и...

Есть еще кто-то, кто этим всем руководит, такой зловещий профессор Мориарти или, напротив, веселый молодой авантюрист, такой Остап Бендер... Мне стало жаль доверчивых хомячков – даже сидеть на форуме расхотелось.

Отхлебнул чаю, но он успел остыть. Я раздумывал, не вылить ли этот чай и не поставить ли чайник еще раз, но тут раздался звонок в дверь. Не истеричный, обычный такой звонок. Я взглянул на часы: двадцать три сорок три. Поздно для клиентов. Вообще поздно.

Сердце само собой ухнуло вниз. А вдруг Ковальчук все-таки передумал? И прислал каких-то громил, выставить меня отсюда?

Человек беззащитен. Перед нахрапом, грубой силой, перед чужой наглостью. Перед тупой машиной подавления. Особенно ночью, когда социальный панцирь истончается и остается теплое, не одетое, живое, беспомощное.

Ночь – время арестов.

– Кто здесь? – голос у меня стал неприятный, высокий и пронзительный.

– Извините, – виновато сказали за дверью, – это сосед ваш. Извините.

Деваться некуда, я сунул ноги в тапочки и побрел открывать.

Он стоял на крыльце, немолодой человек в вельветовых брюках и фланелевой клетчатой рубашке. Безопасный. Кажется, лицо знакомое. Я немного расслабился.

– У вас фонарика нет? Или свечки? Пробки вылетели.

– Сейчас посмотрю. – Держать его на пороге было неловко, и я сказал: – Проходите.

– Вы извините, – он доброжелательно оглядывался, близоруко щурясь, – только у вас свет горит. А остальные спят. Тревожить не хочется.

– Да-да. Я понимаю.

– Обычно я к Зинаиде Марковне заглядываю, если какие-то проблемы. Они с моей женой вроде как в хороших отношениях. Хотя с моей женой трудно быть в хороших отношениях, если честно.

– Зинаида Марковна – это которая через дорожку?

– Нет. Которая справа. Странно, а она вас знает. Говорит, вы писатель.

– Какой там писатель, так... Редактирую понемножку.

Я рылся в ящиках буфета. Надо и правда купить свечей. И фонарик. А то вдруг и у меня пробки выбьет. Все-таки я тут надолго... еще полгода покоя и независимости.

Свечка, оказывается, стояла на виду, просто я не сразу сообразил, что это свечка – гномик себе и гномик. Симпатичный, в красном колпачке, жилет еле сходится на толстом брюшке...

Сосед поглядел на гномика задумчиво.

– Жалко жечь такого. По-моему, это свинство – делать свечки в форме человечков всяких. Или животных. Извините, если вас оторвал...

Он опять огляделся. Интересуется. Наверное, Зинаида Марковна что-то наплела. А вдруг перегоревшие пробки – это просто предлог? И он что-то вынюхивает?

– Хорошо тут у вас. Уютно. Лампа эта.

За лампой я долго гонялся. Чтобы абажур был обязательно зеленого стекла. Это создает правильную атмосферу.

– У моего деда была такая. Куда потом делась?

Может, как раз в антикварный на Жуковского? Там я ее и купил.

Он улыбнулся.

– Времена динозавров. Устойчивые настольные лампы, дубовые столы, комоды.

– И неустойчивые жизни, – сказал я, – тогда вещи были долговечнее хозяев. Сейчас наоборот. Вот я уже третий ноутбук сменил. Снес на помойку кассетник, потом видак... Я сначала думал, может, от этого и пошла мода на винтаж? Людям хочется чего-то основательного. На самом деле, подсознательная реакция. Невротическая. Из-за цифры.

– В смысле?

– У людей старше сорока еще есть семейные альбомы с фотографиями. У молодежи нет. Какие-то фотки лежат на «Одноклассниках», не знаю, на Яндекс-фото... Все оцифровано, все кажется вечным, потому что можно в любую минуту включить компьютер и на это взглянуть. Но, послушайте, ведь на самом деле ничего этого нет. Ни десятков тысяч цифровых фотографий. Ни текстов в сетевых библиотеках. Ни Живого Журнала. Ни Википедии. Ничего. Тень, призрак, без остатка пропадающий при любом мало-мальски серьезном катализме.

– Вы правы. От сгоревшей Трои осталась материальная культура. А что останется от нас? Я ведь тоже интересуюсь старьем.

Он опять улыбнулся, он вообще легко улыбался.

– Горшки, плошки. Светильники...

– Археолог?

– Археолог. Приехал поработать вот, в тишине. Статью закончить. А тут пробки выбило. И все – фук! И аккумулятор сел. Надо поменять его, совсем не держит.

– Проще новый ноут купить.

Когда приходится разговаривать с незнакомым человеком с глазу на глаз, меня начинает неудержимо клонить в сон. Не от скуки – от нервного напряжения. Но он не уходил. Может, ему тоже одиноко?

– Гномика можете не возвращать, – сказал я поспешно. – Мало ли.

– Я и не собирался, – сказал он честно, – кстати, я, по-моему, забыл представиться. Леонид Ильич меня зовут. Я вон там живу.

И он неопределенно кивнул куда-то в сторону левой стенки. Там Валькина жена повесила гобеленовую картинку в рамочке. Березки, златоглавая церковь у пруда... Получилось, он живет в гобелене. Тоже хорошее место.

– Доктор наук? – спросил я зачем-то.

– Так и не собрался. Кандидат. Странно, что вы про Брежнева не вспомнили. Все вспоминают.

– Потому и не стал...

– У вас независимый ум, да?

– Нет, – я включил наружное освещение, чтобы он не переломал себе ноги в темноте, – просто не люблю говорить банальности.

– Значит, и людей не любите, – заключил он, – люди, они склонны к банальностям, нормальные люди, во всяком случае.

Я немножко постоял на крыльце. За деревьями в темном окне темного дома появился смутный блуждающий огонек, переместился вбок, отчего квадрат окна осветился сплошным тусклым, красноватым светом, пропал...

Он зажег несчастного гномика.

* * *

Мои клиенты – люди без видимых чудачеств, их чудачества запряты слишком глубоко. Они как все – одежда, стрижка, вообще фактура.

Я никогда не был у них дома.

В восьмидесятые такие покупали себе гарнитуры «Хельга» и арабские спальни. Сейчас пользуются услугами дизайнера – самый верный, по-моему, способ превратить жилье в глянцевого гостиничный номер.

Мне вообще неуютно в чужом жилье.

– Только что въехал, – он развел руками, словно оправдываясь, – не успел сделать ремонт.

Диван с полированными подлокотниками и потертой бордовой обивкой, два таких же кресла, журнальный столик, из ДСП, на тонких ножках. Розово-голубые обои в цветочек выцвели, но над диваном остался яркий четырехугольник, призрак коврика, плюшевого, с розочками, или гобеленового, с оленями. Сейчас такие коврики у понимающих людей в цене. А раньше считались мещанством.

На стенах лежал отпечаток чужой судьбы: я кожей ощущал чужое житейское неблагополучие, скудную монотонную жизнь, незаметно сошедшую на нет. Кто-то ему продал эту квартиру? Сдал на несколько лет? Кто здесь жил? Чья-то умершая родственница?

Почему здесь? Почему он на этом так настаивал? Это все равно не его дом. Не его вещи. Не его прошлое.

– Хотите коньяку? Кофе?

Я сказал:

– Нет. Я же работаю.

– Интересно посмотреть, как вы работаете.

Он сел напротив меня и положил ладони на плоские полированные подлокотники. Ткань сбоку продрана, в лохматой дыре белеет фанера.

– Что тут интересного?

Я выложил диктофон на столик. В фальшивой глубине лаковой поверхности неохотно отобразился двойник диктофона.

– Не возражаете?

– Если вам нужно... отчего ж нет?

– Многие возражают, – сказал я честно.

– И если они возражают, вы... и правда не пишете? Исподтишка, телефоном, ну...

– Нет. Я работаю для клиента. По его заказу. Зачем мне его обманывать?

– А вы никогда не думали, что можно получить дополнительный доход? Чужие тайны...

– Шантажировать своих клиентов? – спросил я напрямую. – Нет. Это не тайны, а мечты. Они... смешные большей частью. Люди их стыдятся, верно. Но ведь... это неподсудно. Мечтать. Так я включаю?

– Мне нечего скрывать, – сказал он.

– Тогда расскажите мне о себе. Как можно более подробно.

– Зачем? Нет, я расскажу, но – зачем?

– Потому что я так работаю, – сурово сказал я.

Он задумался. Руки по-прежнему лежали на подлокотниках, пальцы чуть-чуть напряглись.

– Я детдомовец, – сказал он наконец. – Получил специальность слесаря, там специальности давали, тут и армия. Отслужил под Читой, повезло, я при части слесарил... вернулся в Красноярск, в девяностые с другом начали свое дело, брали продукцию в Китае, пуховки, джинсу, дрянью всякую. Тряпье. Сначала два лотка, потом магазин арендовали, потом сами стали продукцию выпускать, открыли два цеха пошивочных, потом девяносто восьмой. Начались неприятности всякие, он меня кинул, потом... начал потихоньку опять подниматься. Поднялся. Пупок сорвал, но поднялся. А сюда я отдыхать приехал. В прошлом году. Понравилось.

– Просто понравилось – и все?

– Да. Знаете, иногда задумаешься... а зачем все это? Для чего? Все черне, все крутишься, все откладываешь на будущее – буквально все. Отдых. Семью. Жизнь. А тут хорошо, тепло. Море. Розы на клумбах вон цветут. Ну, если нравится, надо брать, верно? Фирму перевел, квартиру купил. Вот только ремонт еще не сделал.

Может, мне трудно его читать, потому что он рос не в семье, а в детдоме? Все время в толпе, не успеваешь сформироваться, приобрести привычки...

– Ну и зачем вам выдуманная биография? У вас же есть своя! Вполне достойная. Вы что, в дворянское собрание хотите войти? Или в казачество местное? Ну, так купите себе сертификат. Дешевле обойдется.

– Казачество, дворянство. Дешевые понты. Я по-настоящему осесть хочу. А для этого корни нужны. Я, Семен Александрович, семью хочу. Родных. Бабушку, дедушку. Маму-папу. Чтобы семейные фотографии в альбоме. Чтобы портреты на стенках. Я вот ремонт сделаю, приглашу людей.

Он и правда псих. Я сижу на квартире у незнакомого человека, и никто, абсолютно никто не знает, где я нахожусь.

– Это же фикция, – сказал я терпеливо, – сертификат – фикция, и это фикция.

– Сертификат – фикция. А это – жизнь. Можно подумать, от настоящих предков что-то другое остается! Остаются фотографии. Какие-то семейные истории, которые и проверить-то невозможно. Вранье. Посуда в серванте.

– Скелеты в шкафу. Ну и что?

– А то, что, если ты детдомовец, все об этом помнят. За твоей спиной друг другу говорят – а, этот, а знаете, он детдомовец! Или – чего с него взять, он детдомовец. Это то, что отделяет тебя от других. Все равно как если бы ты был голубой и все об этом знали. Сейчас корни в моде. Все как помешались на этих корнях. Не надо дворянских предков. Пускай будут потомственные учителя, инженеры, я не знаю.

– Или зубные техники.

– Что?

– Потомственные зубные техники. Коронки, золото, надомная работа. Обэхаэсэс. Ужас как романтично. Я не могу с вами работать.

– Почему?

– Потому что вы врете.

– Откуда вы знаете?

– Вижу.

За окном вздымалась и опадала крона пирамидального тополя, казалось, дерево дышит, раздувая бока. У беседки с бюветом женщины в шляпках переговаривались высокими резкими голосами. Окно надо бы помыть... впрочем, он, наверное, вынесет эти рамы на хрен, поставит стеклопакеты. Все они так делают.

Чужаки. Захватчики.

Он молчал. Потом сказал:

– Мне говорили. Что вы вроде как экстрасенс. Вы экстрасенс?

– Нет.

Он помолчал, прикрыв глаза. Потом неохотно сказал:

– Я все время думаю – почему? Почему она от меня отказалась?

– Мать?

Полоска света переместилась с выцветших обоев на призрак старого ковра. Я иду по ковру. Ты идешь, пока врешь...

Он промолчал.

– Ну мало ли. Может...

– Это неважно, – отмахнулся он, – не в этом дело.

Никогда бы я не стал клеить обои с повторяющимся узором. В повторяющихся узорах есть какая-то безнадежность. Безвыходность.

– В Красноярске... Дружили мы с одним пацаном. Не детдомовским, домашним. Завидовал ему страшно. Он пригласил меня домой. Мне показалось, попал в рай. У Борьки комната своя. Шкаф с одеждой – только его шкаф, понимаете? Велосипед. Бабушка оладушки напекла. Варенье. Кушайте, говорит, ребята. На подушках салфетка в цветах – мать вышила. Отец с работы пришел, как дела, спрашивает, Борисыч. И мне кивает, привет, мол, мальчик. А я сижу и понимаю, что никому не нужен. Никому. Они за этого Борьку кому хочешь глаза выпарапают. И если кто-то страшный придет и скажет – чтобы жил ваш сыночек, надо убить вот этого, чужого, ведь убьют, не задумаются. И бабушка эта, которая мне подкладывала оладушки и говорила – кушай, мальчик, ты такой худенький, так вот, эта бабушка самолично мне глаза выпарапает.

Я сказал:

– Бывает, что люди живут в семьях и ненавидят друг друга. И никакой своей комнаты, никаких оладушек, никакого велосипеда.

«Тут нет ничего твоего», – любит говорить папа.

– Бывает, – согласился он, – но даже если ненавидят, за своего все равно отдадут любого чужого, не задумываясь. Это закон природы, понимаете?

– Этот закон имеет и обратную силу. Чтобы и вам кто-то был дороже остальных. Сейчас вы вправе выбирать. А в семье уже выбора нет, все предопределено заранее.

– Мой психоаналитик, – сказал он, – говорил примерно то же самое. Я перестал к нему ходить. Деньги на ветер. Гулял, думал. И вот что придумал: если нет никого, кто был бы готов за меня, за маленького, жизнь отдать, если меня самого отдали, – он прикрыл глаза и плотнул, – надо их выдумать. Добрых. Хороших. С оладушками. С семейной историей.

– Почему? Он дал вам правильный совет. Заведите свою собственную семью. Детей.

Он скорее всего боится устойчивых отношений, старается заводить связи с замужними, скажем, с той, у которой муж путешествовал с хоббитами. Я его помню. Неудивительно, что она закрутила роман на стороне.

– И буду все время думать – а на что я буду готов ради них?

– На все.

– А они ради меня? Она? Жена, в смысле.

У него нет опыта взросления в семье. Он не знает, что дети, когда вырастают, начинают избегать своих родителей, стыдиться их, – почти все. Или завидовать сиротам, потому что их все жалеют. Или воображать себя подкидышами, выдумывать себе других маму и папу. Он не стал размениваться – сразу на пустом месте решил выдумать себе идеальную семью.

– Это как получится, – сказал я. – Это из тех вещей, о которых нельзя думать. Знаете, люди любят говорить о том, кого бы они первыми стали спасать из огня, если пожар в доме. Но никто не знает на самом деле, кого бы он бросился спасать. Может, просто того, кто оказался рядом. Или наоборот – до кого труднее добраться.

На диктофоне останется в основном мой голос... мои реплики.

Он пожал плечами. Ему было не интересно, кого он будет спасать во время пожара. Ему хотелось, чтобы во время пожара спасали его.

– Так возьметесь, Семен Александрович?

– Написать вам семейную историю? Просто – историю? С бабушками-дедушками? Без всяких приключений, без кладов, без настоящих мужчин?

– Не-а, – он помотал головой. – Мемуары? Нет. Мемуары пускай писатели пишут.

– Тогда что надо? – спросил я устало. Мне хотелось одновременно выпить кофе и сходить отлить, а еще хотелось домой. Чтобы никто не беспокоил.

– Как у всех. Бабушек, дедушек, родителей. Фотографии. Письма. Вазочки всякие.

– Фамильное серебро?

– Хрен с ним, с серебром. Серебро быстрее всего из дома уходит. Нет, я чего попроще. Ну вот раньше были стаканы в подстаканниках. Или бокалы, красные или сиреневые, с прозрачными узорами такими. И ножка белая, в пупырышках. Я помню, у Борьки этого в буфете стояли.

– Двуслойное стекло, – сказал я машинально, – алмазная грань. Рубиновое – коллоидное золото или оксид меди. Марганец – сиреневое. Кобальт – синее. Есть еще желто-зеленое, урановое, оно дороже.

– Вот видите. Вы в этом разбираетесь. Вы знаете, какое старье брать, а какое – нет.

Маньяки и психи – самые последовательные люди. Все мои заказчики, по крайней мере, разделяли реальность и выдумку. Этот – нет.

– Если вы хотите обставить квартиру в стиле ретро... Ну, могу я дать пару советов. Есть хороший мебельный возле Нового Рынка. Подбираешь себе мебель, указываешь на нее пальцем, ее реставрируют и доставляют на дом.

– Не старайтесь казаться глупее, чем вы есть, Семен Александрович. Если бы я хотел пригласить дизайнера, я бы пригласил. Мне нужна семейная история. Я ж говорю, если ее нет, надо ее придумать. Чтоб была. Такую, чтобы я в нее поверил.

– Это называется шизофрения, – сказал я откровенно. – Вы и правда думаете, что можете заставить себя поверить в то, чего не было?

– Не ваше дело. Я же готов заплатить. Вы брались за всякое говно. За латекс и кожу. А тут брезгуете?

– Мне и правда нужны деньги, – сказал я, – иначе меня выгонят с дачи, знаете? Ну, вы наверняка знаете. А это значит, что мне придется распрощаться с моей работой. Никто не придет заказывать прекрасные и страшные истории жалкому неудачнику, который живет в обшарпанной двушке со своим старым папой. Но мне не нравится то, что вы затеяли. В этом есть что-то неправильное... я не могу объяснить вам – что. Сам не знаю.

– Пожалуйста, – сказал он, – пожалуйста. Я вас очень прошу.

Тополь за окном шумно вздохнул.

* * *

Отсюда было недалеко, я прошел пешком по неровно состыкованным серым плитам. К плитам прилипли пятипалые желтые листья платанов.

Я зашел в «Алые Паруса» на углу и купил яиц, простоквашу и упаковку молодой картошки.

– Как ваш папа? – пышная кассирша узнала меня и улыбнулась, пробивая чек. – Что-то он давно не заходит.

– Ничего, – сказал я, – ничего. Артрит.

– А-а, – улыбка погасла мгновенно, словно выключили лампочку, и она повернулась к другому покупателю – немолодой женщине с ярко накрашенными губами. Я ее больше не интересовал.

Придерживая пакет, дно которого грозило в любой момент прорваться, я свободной рукой нащупал в кармане ключи, но дверь не открылась – что-то мешало изнутри. По-прежнему сжимая ключи в руке, я надавил на кнопку звонка, звонок был такой резкий, такой дребезжащий, что у меня заломило зубы. Никто не отозвался.

Я убрал палец с кнопки и прислушался.

Неразборчивый шум, голоса, настолько неестественные, что сразу понятно было, что разговаривают несуществующие телевизионные люди. Он что, не слышит звонка?

А если он просто не смог выключить телевизор? И телевизионные люди ходят и разговаривают со вчера? Или с позавчера?

По грязно-зеленой краске сбоку от двери тянулись глубокие царапины, словно кто-то провел огромной когтистой лапой. Это было раньше? Не было?

Я поставил пакет с продуктами на пол и с размаху ударил по двери ногой. Дерматиновая обивка хорошо гасила удар.

Может, зайти к Палычу и попросить его перелезть с его балкона на наш? Он бывший моряк, он может. Если Палыч еще трезв, конечно.

Как раз в этот момент дверь отворилась, и я чуть не упал лицом вперед, в тусклую мглу коридора.

– Ты что, совсем с ума сошел? – спросил папа.

Он был в пузырящихся на коленях тренировочных и грязной майке, кажется, той же самой, что и неделю назад.

– Папа, я же тебя сколько раз просил, не запирайся на засов.

– Он просил. – Отец развернулся и пошел в комнату, передвигая по линолеуму негибкие ноги и шаркая шлепанцами. От этого звука у меня ноют зубы и мурашки по всему телу. – А если грабители?

– Кто на все это польстится? Ты посмотри, что у тебя делается!

К старости они стали скуповаты: к чудесным сталинскому ампира тумбочкам с инкрустациями и гнутыми ножками привинчены пластиковые ручки, линолеум в коридоре постелен прямо поверх паркета, на кухне – поверх истертой пластиковой плитки. Он помыл пол в кухне – от середины к стенам, так что грязь черной каймой обрамляла плинтусы.

Может, дело не в скупости, в истощении жизненных сил. Зачем перестилать паркет, если догадываешься о своем сроке? Вот на такси они денег не жалели, вызывали по любому поводу – в поликлинику, на рынок... Как раз на полпути к рынку их ударила сбоку машина с дипломатическими номерами. Папа не пострадал. Он любил сидеть спереди. Чтобы разговаривать с шофером и чтобы был обзор. А мама села сзади.

Болгарский консул тоже не пострадал, но это не так важно.

Я выложил продукты на липкий кухонный стол, отодвинув бурый стакан в подстаканнике с тисненым изображением Кремля.

– Это что, импортная? – Он подозрительно оглядел пакет с длинной бежевой картошкой.

– Какая разница?

– Есть разница. Импортная дороже. Я не миллионер.

– Это я покупал ее, папа. Я.

– Ну и что? Ты тоже не миллионер. Не умеешь ценить деньги. Ты никогда не умел ценить деньги.

Я стиснул зубы, втянул в себя воздух и посчитал до десяти.

– В нашей полкило грязи. А остальное – гнилье. Папа, это же мне ее чистить.

– Ну и что? – сказал отец. – Руки не отвалятся. Эту тоже вымой как следует. Как следует, я сказал. Ошпарь ее кипятком, там могут быть микробы.

Отец боится микробов. Он все ошпаривает кипятком. Даже нежнейшие фрукты-овощи. С помидоров слезает шкурка, огурцы становятся бледными и вялыми, как тряпочка, а груши делаются бурыми, с беловатыми разводами.

Самое смешное, что в квартире ужасная грязь. У меня подошвы липли к полу. Что он пролил? Чай? Он пьет очень сладкий чай.

– Картошка, – терпеливо сказал я, – проходит термическую обработку. Она варится. Или жарится. Большинство бактерий погибает при температуре восемьдесят градусов Цельсия. Ты в курсе?

– Но навоз, – он воздел тощую руку в синих венах, – навоз остается!

– Навоз остается всегда. Он, собственно, нас окружает.

Я дочистил картошку, бросил ее в кастрюлю и залил водой. На поверхности тут же образовались тонкие контурные облачка крахмала.

– Сваришь себе. Когда захочешь. Только не забудь потом выключить газ.

Один раз он забыл.

Наверное, мне и правда надо жить вместе с ним. Один он становится опасен. Но я не могу...

Из комнаты по-прежнему доносились возбужденные голоса. Я так давно не смотрел телевизор, что забыл, до чего они фальшивые, эти озвучки сериалов. Те, кто их делает, даже не дают себе труда притворяться, и так сойдет. И правда, кто их смотрит днем? Старики. Пенсионеры. Может, домохозяйки, хотя лично я не видел ни одной домохозяйки.

– Ты что, не слышишь? Я тебя спрашиваю.

– Ты о чем?

В комнате женщина отчетливо сказала: «Он разбил мне сердце!»

– Какой сегодня день?

– Семнадцатое.

Календарь висел на стене. Прошлогодний. Надо бы купить ему новый календарь, но ведь год уже кончается... Наверное, на этот год уже не продают. А может, наоборот, продают, но со скидкой. Тогда он будет рад.

– Какой день недели, я тебя спрашиваю?

Он легко раздражается. Это старческое. Хотя он и раньше легко раздражался. Тогда это выглядело гораздо страшнее. Вставал из-за стола, отталкивал тарелку так, что суп выплескивался на скатерть, уходил. Он мог взорваться по любому поводу, что добавляло остроты семейным обедам.

– Вторник.

– Почему ты не на работе? Сегодня будний день.

– У меня гибкий график, – сказал я, чтобы не вдаваться в подробности.

– Гибкий график у бездельников. Нормальные люди работают в рабочие дни и отдыхают в выходные. Ты слышал про такой документ, как трудовая книжка?

– Что-то слышал. Серенькая такая.

– Не ерничай. Тетя Лиза все время спрашивает о тебе. Где ты работаешь, женился ли? Что я мог ей ответить? Что ты никто и звать никак? Даже вуз не закончил. Где твоя работа? Как называется это учреждение? Чего молчишь?

– Папа, хватит.

– Ничтожество. Посмотри на себя. Бездельник и ничтожество.

Его любимое слово. Раньше он произносил его с удовольствием. Посмотри на себя. Посмотри на меня. Видишь, какой я умный и удачливый? Чего я добился? Но сейчас он старый. Старики не бывают удачливы. Думаю, именно поэтому в первобытных племенах старались от них побыстрее избавиться. Не потому, что старики были в тягость. Чтобы удача не убежала и от молодых.

Так что «ничтожество» – это, скорее, присказка. Так, украшение речи. Якорь, который можно закинуть в зыбкую муть настоящего.

– У тебя все лекарства есть?

– Откуда я знаю?

Я взял мятую коробку из-под конфет, в которой лежали лекарства. На дне расплылось бурое пятно, скорее всего он поставил ее на стол, куда предварительно пролил чай. Надо ему купить на блохе шкатулку, что ли, поглубже и побольше. Но он же решит, что в ней полно микробов.

– Кордиамин кончается. Я принесу на той неделе. И поменяй ты, бога ради, эту майку. Есть же чистые майки, вон там, в шкафу, я их туда при тебе складывал.

– Не указывай мне, – сказал отец.

* * *

Сосед Леонид Ильич убирал листья. Сквозь орешник просачивались бледные косые лучи уходящего света.

Я вдруг подумал, что он лишь немногим моложе моего отца.

Я надеялся, что он меня не заметит, но он поднял голову и улыбнулся.

– Ну как, – спросил я, чтобы что-то сказать, – починили пробки?

– Да, – он кивнул поверх штакетника, – все в порядке. Даже статья не убилась. Ну, то есть убилась, но не вся. Последний абзац только.

– Копии надо делать, – сказал я скучно.

– Я и делаю. На флэшку сбрасываю. А то наслышался я страшных историй. Про то, как у человека погиб труд его жизни. Что-то там не то отформатировал, или скачок напряжения, и диск посыпался.

– Кто ж не знает. Он с середины восьмидесятых ходит, этот баян. Как компьютеры появились, так и ходит. Только знаете, что я думаю?

А еду-то я забыл купить. Отцу купил, а себе забыл. Вот зараза.

– Не было никакого труда. Никакого романа века, никаких диссертаций. Люди делали вид, что работали, ходили с важным видом, на каждом углу орали, что вот-вот покажут миру что-то великое. А потом ввали, что все накрылось медным тазом. Кто проверит?

Сзади раздалось тяжелое дыхание. Обернулся. Дородная тетка улыбнулась накрашенным ртом. Джинсы, облегающая пушистая розовая кофта, бейсболка на обесцвеченных волосах.

– Здравсьте, – сказал я и, боком протиснувшись мимо ее жаркого тела, заторопился к себе. Это, наверное, и есть Зинаида Марковна. Она меня знает, а я ее – нет. Все это очень странно.

К тому же у нее были короткие жадные пальцы и тупые лопаточки ногтей, выкрашенные ярко-красным облезлым лаком.

– А гномик ваш расплавился, – крикнул сосед мне в спину.

* * *

– Ого, – сказал он, – ну вы и наташили.

В квартире кто-то побывал. Ремонтники. Обои содраны, потолок размыт, пол в коридоре застелен старыми газетами, диван выдвинут на середину комнаты.

– Вот, – пояснил он очевидное, – ремонтируемся помаленьку. Вы сюда ставьте, на столик. Это что?

Я вынул из спортивной сумки коробку из-под обуви, набитую выцветшими открытками и фотографиями с фестончатыми краями.

– Выбирайте.

– Что выбирать? – Он, казалось, растерялся.

– Свою семью.

– Как же я буду ее выбирать? Тут их сотни!

– Просто смотрите, кто вам нравится.

– И это все? – Он присел на корточки около коробки, потрогал пальцем. – Просто – кто нравится?

– Ну да. Кровь не водица, верно? Британские ученые доказали: родственники, даже незнакомые, кажутся симпатичнее чужаков. Значит, те, кто вам понравится, теоретически могут быть вашими родственниками.

Я не сказал ему, что эти опыты проводились на головастиках.

– Откуда, кстати, у вас такая фамилия, Сметанкин?

– В детдоме дали, – сказал он рассеянно, – там почему-то было много съедобных фамилий. А... с кого начинать? С дедушек-бабушек?

– Если покопаться там как следует, вы и прадедушку найдете. Какого-нибудь красного комдива.

– Не хочу красного комдива, – капризно сказал он, но тут же задумался, уставив взгляд в одну точку, – ...а впрочем...

Понятное дело, даже Дракула со временем может превратиться в романтическую семейную легенду. И бабушка рассказывает внучке что-то вроде: «Знаешь, а папочка, твой прадедушка, держал в страхе всю округу. Вылетал в полночь из окна в черном плаще, возвращался под утро, когти все в крови...»

Сметанкин явно увлекся. Он раскладывал карточки вокруг себя, как пасьянс.

У времени есть конвейер, и конвейер этот штампует сменные серийные человеческие модели. С коричневатых, коричневых, пылью пахнущих первых фотографий смотрят женщины с тяжелыми подбородками, длинными носами и высокой грудью. С черно-белых – задорные девушки со вздернутыми носами и круглыми лицами; с выцветших цветных – худенькие, широкоскулые, широкоглазые. Мужские лица тоже меняются по воле времени – правильный овал, квадрат, прижатые уши, торчащие уши. Бокс, полубокс, вьющиеся чубы...

Куда подевались они, эти женщины с маленькими злобными крашеными ртами, пышными волосами и подбородками римских матрон? Вымерли? Эмигрировали? Или просто модель была упразднена за ненадобностью?

– Может, вот эта?

Женщина в белом воротничке и глухом, по горло, платье на пуговицах не улыбочиво глядела с коричневатой фотографии. Глаза выпуклые, твердый подборок, округлая шея. Щитовидка, похоже, увеличена, не патологически, а так, слегка. Наверняка очень энергичная была женщина.

Я перевернул карточку. На обороте штамп: «Н. А. Лепский. Екатеринославъ. Фотографъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Негативы хранятся».

– Вас не смущает, что она стерва? Это ж по глазам видно. Тихая такая правильная стерва.

– Для прабабушки сойдет.

– Ну ладно. Крепкая прабабушка, матриарх... основательница фамилии. По маме или по папе?

– Что?

– Прабабушек обычно несколько. Но они теряются во мгле веков. Остаются самые жизнеспособные. Те, о которых помнят. Чтобы заставить помнить себя на протяжении нескольких поколений, надо быть или очень плохой, или очень хорошей. Всех спасать или всех губить. Эта у нас какая будет?

– Не знаю, – задумался Сметанкин. – Пускай хорошая. Я хорошую хочу.

– Отлично. Пошли дальше. Она в темном фартучке, видите? Или в сарафане.

А что вообще тетки тогда носили? С предметами гораздо проще. Посмотришь на клеймо... на степень истертости донышка... и сразу все ясно.

– Гимназистка? – предположил Сметанкин.

– Старовата. Ей лет двадцать – двадцать пять.

– Может, гувернантка?

– Точно. Пускай она у нас будет гувернанткой. Ну вот она закончила, скажем, Смольный. Или Бестужевские курсы. Почему бы нет? Из бедной, но хорошей семьи. Обрусевшие поляки? Какие-нибудь Скульские? Стронговские?

Я подумал еще.

– Поляки, это хорошо. Значит, так. Пока она на Бестужевских курсах, получает образование, одна из первых женщин-феминисток, их, поляков, ее родителей, всем семейством ссылают в Сибирь. Они боролись против кровавого царского режима, а их сослали в Сибирь.

– Это еще зачем?

– Понадобится.

– Вам виднее.

Он с жадностью смотрел в лицо предполагаемой прабабушки, тогда как она в свою очередь укоризненно глядела на нас с фотографии прозрачными, чуть навывкате глазами. Не хотел бы я иметь такую прабабушку, а ему вот понравилось, надо же.

– Ну вот, родню сослали, а она, дворянка, аристократка, пошла в гувернантки, чтобы поддержать их... В хорошую, но простую семью, он купец из староверов, второй гильдии... И тут семейство купца срывается с места и переезжает из Санкт-Петербурга в Екатеринослав. Там у купца его дело. Мануфактура. Вы вообще знаете, где Екатеринослав?

– Где-то в Сибири? – неуверенно спросил Сметанкин.

– Это Днепропетровск. И тут, только-только они осваиваются на новом месте, умирает его жена. Острый аппендицит. Буквально на ее руках умирает, а она к ней очень привязалась, то есть они друг к дружке, она ей как дочь, а у нее родители, значит, в Сибири...

Мыльная опера какая-то получается. Но он слушал, раскрыл рот.

– И она, понятное дело, утирает носы детишкам, она им как мать, и он мучается, мучается, а потом однажды входит к ней в девичью комнату, крестится на икону и бух на колени!

Не могу без тебя жить, говорит. Вы запоминаете, вообще? Или, может, все-таки записывать будете?

– Как же я могу не запоминать? Это же моя биография.

– Генеалогия.

– Один хрен. Выпить хотите?

– Я не пью на работе.

– У меня виски есть. Односолодовый, двенадцатилетний. Ладно, потом.

Он не сводил с меня напряженного взгляда.

– Устраивает пока?

– Ага.

– Ну, поехали дальше. Она рождает ему еще троих, и они живут душа в душу, а перед самой революцией он очень удачно умирает, и она, не будь дура, хватает всех детей, и в Сибирь, к родственникам. Оседает в Красноярске. У вас должна быть большая родня, чуете?

– Это хорошо, – обрадовался он.

– И там она выходит замуж вторично.

– Это почему? – обиделся он на неверность прабабушки.

– Надо. За известного путешественника, профессора. Он тоже ссыльный поляк, укоренился там, прикипел к Сибири, исследует родной край и даже организует экспедицию в Тибет. И она повсюду с ним. Сопровождает его. Делит трудности путешествия. Из последней экспедиции они уже не возвращаются. Затерялись в тибетских снегах.

Надо будет найти для него что-нибудь тибетское. Начало двадцатого века сойдет. Какую-нибудь страшную красномордую статуэтку с черепами на поясе, или Будду хорошо бы нефритового, но на это никаких денег не хватит. Надо бы повернуть дело так, что, по слухам, они то ли до Шамбалы добрались, то ли махатм видели. Или с Рерихами встречались. Ему будет чем гордиться, потому что дальше семейство немножко выродится, что в двадцатом веке неудивительно.

– От старовера фотографий не осталось, потому что он считал, что это бесовское. А вот неродного прадеда можно и поискать.

Я подвинул ему коробку.

– От него даже фамилии не осталось, потому что дети ее – родные и приемные – ревновали и его ненавидели. И все-все фотографии его уничтожили. И те, где они вдвоем, рядом с вьючной лошастью, он с ружьем за плечами, она в сапогах и такой шляпе... Она носила штаны, была очень продвинутая для того времени. Осталась только одна фотография, ее нашли уже внуки, когда разбирали бумаги. Вот и ищите. Это неродной прадед, так что тут ваша кровь ничего особенного не скажет. Просто чтобы колоритный был и в сапогах.

Он зарылся в фотографии, перебирая их сильными неловкими пальцами. На лице его застыла смесь ожидания и страха. Словно он и впрямь рассчитывал выудить из коробки неродного тибетского прадедушку.

Фамилии не осталось, это хорошо. Это правильный штрих. Каждый, кому он будет рассказывать эту историю, вспомнит, что читал о ком-то таком. Тибет сейчас в моде.

Я почувствовал, что устал. Я ведь никогда не работал при клиенте, вместе с клиентом, а тут какие-то бабушки, дедушки...

Несуществующие родственники плодились в воображении сами по себе, без моего участия, и мне пришлось сделать усилие, чтобы утихомирить всю эту ораву. Тибетский артефакт – это хорошо, это то, что надо, в этом есть та доля безумия, которая сообщает истории правдоподобие. Никто в здравом уме не выдумает предков, с которыми общались махатмы.

– Это у вас телефон звонит? – Он поднял глаза, и я с ужасом увидел, что они у него покраснели. Правда, может, это из-за ремонта? Бывают же аллергии всякие.

И правда телефон. А я и не услышал.

Куртка висела в прихожей, понадобилось какое-то время, чтобы нашарить дергающийся телефон в одном из карманов – он продолжал высвистывать своего Морриконе, но уже хрипло, утомленно.

Не люблю звонков.

– Вы что, следили за мной? – мой прошлый клиент даже «здрасьте» не сказал.

– Следил? Мне делать нечего, по-вашему?

– Расспрашивали знакомых? Родню? Вы же гарантировали...

Не понравилось ему? Вообще-то до сих пор у меня рекламаций не было.

– Никого я не расспрашивал. – Я из коридора видел, что Сметанкин поднял голову и прислушивается. – Я никого ни о чем не расспрашиваю. Не вступаю в контакты. Это принцип моей работы.

– Тогда откуда вы знали?

– Что я знал?

– Про то, как мы стояли у изгороди. С Катькой.

– С какой Катькой? Ничего не понимаю.

– Ну, вы написали... про то, как я... – он запнулся. – Меня на дачу отправили, к тетке, ну и она там жила. Папаша у нее какой-то шишкой был, домработница, шофер, все такое. Она старше меня была на год. Нос передо мной задирала. Вела себя как та еще стерва. А потом... ну, была там одна история, один урод пнул собаку, щенка, и я... И вот после этого мы как-то... – Он опять запнулся. – Ну, все это кончилось быстро, конечно, но я как сейчас помню, эта изгородь, знаете, как в деревне бывает, три жердины, сухие такие, серые, и мы стоим, и нам надо сказать друг другу что-то очень важное, и мы молчим, и сеном пахнет, травой скошенной, и я опускаю глаза и вижу, как по жердине рядом с трещиной ползет муравей, и тут я вижу, блин, а он вовсе и не черный, как я раньше думал, а красноватый и просвечивает даже. Я забыл об этом, а сейчас вот прочел и вспомнил... откуда вы...

– Ниоткуда, – сказал я, – просто так надо было. Ну раз я работал над вашей историей, должен быть муравей. Я так вижу.

– Мне говорили. – Он опять запнулся. – Серый говорил.

Я покосился на Сметанкина. Тот по-прежнему застыл над коробкой с фотографиями, косясь в мою сторону.

– У меня свои методы, – я слегка расслабился, – я медитирую. Подключаюсь к общему информационному полю. Вы же в курсе, мы все находимся в общем информационном пространстве. В ноосфере. Там все наши воспоминания, так что любой тренированный человек может войти туда и взять что ему надо.

– Что-то слышал, – сказал он неуверенно.

– Про академика Вернадского что-нибудь слышали? Про Тейяра де Шардена?

– Что-то слышал, – повторил он.

Может, и не слышал, но признаваться в этом ему было неловко.

– Так вот. Я работаю с информационным полем. На основании их трудов. Разработал уникальную методику. Это конфиденциальная информация, но вам я готов пойти навстречу. Нареканий нет?

– Что вы! Там... – он опять запнулся, – все как надо.

– Я рад. Это моя работа.

Я отключился. В таких случаях лучше насильственно прервать разговор, оставив звонившего в состоянии легкой растерянности, он потом сам додумает все, что требуется – и сделает это гораздо лучше меня.

Сметанкин по-прежнему сидел на корточках у коробки, но теперь он смотрел на меня. Примерно так же, как на старые фотографии – с жадностью и надеждой.

– Я так понял, вы что-то там угадали, – сказал он.

– О, как я угадал! – Я с размаху плюхнулся в продранное кресло. – О, как я все угадал! Он не улыбнулся, не отреагировал на цитату. Не наш человек. Тяжелое детство, деревянные игрушки.

– Что-то про заказчика? Он не говорил, а вы угадали?

– Ну... в общем, вроде да.

– Вы и правда не следили за ним?

Я напомнил себе, что Сметанкин – тоже клиент.

– Я не навожу справок. Принципиально. Это только создавало бы помехи. Мне нужна чистая, дистиллированная информация. А ее может дать только сам человек.

– В смысле? Вы его гипнотизируете, что ли?

– Я не Вольф Мессинг. Нет, конечно. Я просто с ним разговариваю.

– Вы и вправду верите в общее информационное пространство? Или заливаете для понту?

– Скажите, а у вас никогда такого не было, чтобы приснилось какое-то совершенно незнакомое место? А потом вдруг вы оказываетесь там наяву? И все совпадает?

Он задумался.

– Ну, в общем, да. Было пару раз.

– Значит, вы во сне подключились к ноосфере. Бывают такие спонтанные подключения. Можно считать там чужую память. А можно – будущее.

– Что?

– Свое собственное будущее. В ноосфере нет ни прошлого, ни будущего, сплошной массив информации.

– Все-таки вы гоните, – сказал он недоверчиво.

– Думайте как хотите. – Я пожал плечами, вернулся в прихожую и стал натягивать куртку. – Вы тут пока подберите себе остальных родственников, а завтра я приду, и мы продолжим.

Его я тоже оставил в некотором недоумении. Тот же принцип. Пускай сам гадает, что к чему. Он в конце концов такого наворотит, до чего бы сам я сроду не додумался.

Ну и потом, я и правда устал. Спускаясь по широкой выщербленной мраморной лестнице (наверное, тут когда-то был доходный дом) к бледному, маячившему внизу пятну света, я думал о тех странных случаях, когда вранье становится правдой, а правда – враньем. Этот муравей, эта девушка с ее прекрасным высокомерием, были ли они на самом деле? Или оно проявилось под моей рукой в его памяти, как когда-то в детстве проявлялись под моей рукой цветные картинки на пустых страницах, если проведешь по ним мокрой ваткой? Так или иначе, оно у него теперь есть, прекрасное лето, лето взросления, и никто уже никогда это лето у него не отнимет.

* * *

Я уже давно думаю, что говорящие головы в телевизоре – подделка. Фэйк. Смоделированы на компьютере. Кто их вне ящика видел? Машины с правительственными номерами, тонированными стеклами, которые проносятся мимо в окружении мотоциклетного эскорта? Мало ли кто сидит за тонированными стеклами? И сидит ли вообще?

Один раз смоделировать говорящую голову выгодней, чем содержать несколько сотен бездельников в реале. Вдобавок живые могут и учудить что-то непредсказуемое, тогда как эти всегда делают и говорят именно то, что от них требуется.

Отец, напротив, относится к говорящим головам с полной серьезностью. Он вообще верит средствам массовой информации. И в климатическую бомбу, и в страшную подзем-

ную машину, вызывающую землетрясения, и в честных политиков. Мне он не верит ни на копейку. Я заведомо не могу сказать ничего умного.

– Папа, этот препарат не сертифицирован. Видишь, на нем написано «биодобавка». Ну зачем он тебе понадобился? Совершенно бесполезная вещь. И дорогушая к тому же.

– В газете писали, – сказал папа.

– Мало ли что в газетах пишут!

Там наверняка было написано «на правах рекламы», но папа из принципа не читает мелкие буквы. Он считает, что редакторы специально используют петит, чтобы издеваться над пожилыми людьми. И еще он в глубине души верит, что старость можно вылечить. Нужно только подобрать правильный препарат. И правильную диету.

– Тетя Лиза заходила?

– Заходила. И спрашивала про тебя. Что я ей могу сказать? Мне стыдно.

Я тоже в детстве думал, что это не мои родители. Что меня перепутали в роддоме. Пока не сообразил, что у меня три соска. Как у папы. А три соска – достаточно редкая аномалия. Я папин сын, тут ничего не поделаешь. Странно, что сообразил я это только годам к десяти, наверное, до этого думал, что у всех мужчин три соска...

– Пойди посмотри, как там молоко...

Он так самоутверждается. Приказывает, а я выполняю. Все как раньше. Он большой и сильный.

Молоко в духовке стояло уже бог знает сколько времени, на медленном огне. Он его топил. Топленое молоко приобретает коричневатый оттенок, и еще на нем появляется толстая, в палец, пенка, которую отец считает особенно вкусной. Когда я был маленьким, он попробовал поделиться этим удовольствием со мной. Меня вырвало, а он обиделся.

Вокруг конфорок слой сажи, а я, между прочим, приплачиваю тете Лизе, хотя отцу этого не говорю. Он думает, что она заботится о нем по доброте душевной.

Я плеснул на плиту розовую моющую жидкость и потер грязной мочалкой. Ссохшаяся корка грязи отдиралась неохотно, мочалка оставляла на плите коричневые разводы.

– Что ты там возишься? – Отцу пришлось повысить голос, я заметил, что голос у него стал почти женским – перестал вырабатываться тестостерон. – Зачем? Там все чисто. Тетя Лиза мыла. Я мыл.

Похоже, он видит только то, что хочет – идеально чистую кухню, заботливую родственницу. И непутового сына.

Я обтер руки липким полотенцем и вернулся в гостиную.

– Молоко стопилось, – ответил я на его молчаливый вопрос. – Или утопилось. В общем, готово.

– Ты будешь?

Не то чтобы он не помнит, что я терпеть не могу топленого молока. Просто до сих пор не способен поверить.

– Ты все еще не нашел работу?

– Я работаю, папа.

– Редактор – не профессия для здорового мужчины. Тем более у тебя нет соответствующего образования. Ты всю жизнь так и будешь на подхвате.

У него была профессия. Его ценили. У него есть грамоты. Какие-то записи в трудовой книжке. На пенсию его отправляли с большой pompой, цветы, банкет... Потом не позвонила ни одна сволочь. После этого он начал стариться очень быстро. И отказался выходить на улицу. Наверное, не хочет встречаться лицом к лицу со своими сослуживцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.